

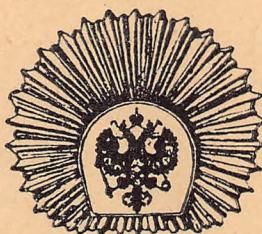
№ 30

МАЙ 1958 Г.

ГОД ИЗДАНИЯ 7-Й

БОЕВЫЙ СЛУЖБА

LE PASSE MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Обще-Кадетское Объединение извещает, что ежегодная поездка на могилу нашего
Почетного Председателя
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

Гавриила Константиновича

состоится в воскресенье 8 июня 1958 года.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
От Батума к Трапезунду (окончание) — Г. Аустин	1
День на крейсере (окончание) — Д. А	5
С Назаровым под Вознесенском (окончание) — Иван Сагацкий.	9
Конец Оренбургского Неплюевского корпуса в 1920 г. — А. Еле- невский	13
Лубочные картинки Восточной Войны 1853-56 г.г. — В. фон- Рихтер	16
Русский Сомюр — А. Левицкий	20
Царский смотр — К. Лейман	23
Воспоминания участника в боях под Ахалцихом — Д. Сей- фуллин	24
Обзор военной печати	28
Знамя лейб-гвардии Гренадерского полка	28
Хроника «Военной Были»	III

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и колониях — 1100 фр. с пере-
сылкой, в Германии — 12 марок, в Англии и Австралии цена отд. № — 5 шил. год. подписка — 25 шил.,
в Сев. Ам. С. Шт. и Канаде цена отд. № — 80 ц. год. подписка — 4 дол. 50 ц.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редак-
ции: 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 2881 - 89 Париж,
A. Guerina.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16°). MIR. 72-55

7-й год издания

№ 30 МАЙ 1958 Г.

Bimestriel.

Prix — 200 fr.

От Батума к Трапезунду

(ОКОНЧАНИЕ)

▼

В последних числах марта месяца погода резко изменилась к худшему. Густой туман, с раннего утра, плотно обволакивал горы и непроницаемой мглой стелился по долинам и ущельям. Назойливый, по-осеннему мелкий, пропизывающий дождь моросил над головами и заставлял плотнее укутываться в мокрые шинели и бурки. В такие дни приходилось быть особенно бдительными, чутко прислушиваться к малейшему шороху или треску. В таком густом тумане всегда можно было ожидать внезапного нападения и всяких неприятностей, связанных с ним. После обеда, туман обыкновенно рассеивался, проглядывало солнце и так продолжалось почти каждый день.

С раннего утра 1 апреля началась подготовка к наступлению. Производилась необходимая перегруппировка, указывались исходные точки, повторялась задача и цель наступления, проверялся и пополнялся огневой запас. Согласно последнему распоряжению, мы и туркестанцы должны были наступать, имея в первой линии по два батальона. Остальные батальоны должны были двигаться непосредственно в затылок, образуя вторую линию; в общем резерве право-флангового участка оставался батальон Михайловской крепостной артиллерии. Сказать откровенно — настроение было не из важных. Каждый прекрасно отдавал себе отчет в трудности атаки противника, занимавшего сильно укрепленные позиции. Смущало и то, что атака почему-то была назначена на полдень, а не с рассветом, когда, пользуясь туманом, можно было бы более удобно и скрытно подойти к неприятельскому расположению. Теперь вся надежда возлагалась на Николу Угодника, да на густой туман, еще скрывавший нас от противника. Но к 11 часам, когда люди уже пообедали, подул легкий ветерок и к полному нашему неудовольствию, проглядевший туман, плотной пеленой державшийся над Карадере, взвился вверх клубами, исчезая в лучах заствившего солнца. Растаял он и на море, и невольный вздох облегчения вырвался в этот момент не из одной груди. Диспозиция генерала Ляхова стала ясна. В обширной бухте Сюрмене стояли два наших линейных корабля "Ростислав" и "Пантелеимон". Вокруг них скользили по всем направлениям мино-

носцы и тральщики. Около 15 судов стояли на море, готовые начать артиллерийский бой и поддержать наступление.

Ровно в 11 часов раздался первый выстрел с флагманского корабля "Ростислав". Ухнуло 10-дюймовое орудие и, точно сигнал к бою, выстрел этот был подхвачен всеми кораблями и береговой артиллерией. Не прошло и нескольких минут после первого выстрела, как весь хребет, занимаемый турками, представлял из себя полнейший хаос. Гигантские столбы дыма, земли, камней и деревьев фонтанами взметались высоко в небо. Воздух звенел и дрожал от оглушительных взрывов и уже нельзя было уловить отдельных выстрелов, они слились в протяжный, громовой и чудовищный рев. Методично, квадрат за квадратом, расстреливали наши суда ярусы турецких укреплений, засыпая их градом снарядов. Колossalные разрывы 12, 10, 8 и 6-дюймовых снарядов буквально сметали все. Вековые каштановые и ореховые деревья выворачивались с корнями, срезались, как бритвой, и своими ветвями и стволами заваливали изуродованную землю. Горная артиллерия не отставала. Повсюду, где разрывались бризантные снаряды, вспыхивали белые облачка шрапнельных разрывов. 6-дюймовые мортиры громили в позиции турок, и селение Сюрмене. Трехэтажные дома, с грохотом, рассыпались под их ударами и будто страшный смерч или ураган прошел над долиною и смел все на своем пути. Турецкие позиции молчали, словно вымершие, под громовыми раскатами наших пушек, но это только казалось. Едва наши цепи подошли к реке и начали переправу, молчавшие и, как нам казалось, уничтоженные, горы ожили и заговорили рокотом частой ружейной стрельбы. Надрывно застучали пулеметы и глухие удары гранат вперемежку с облачками шрапнельных разрывов, часто и метко покрыли наши цепи, на берегу реки. Цепи загягли. Турки заранее отлично пристрелялись к реке и к подступам к ней, и вода в реке бурлила под градом свинца. Невольно явилось чувство восхищения и уважения к противнику, так упорно державшемуся под убийственным огнем нашей артиллерии. Вспоминался и визит к нам "Бреслав", огонь которого был ничтожен по сравнению с сегодняшним.

Но едва только турецкая артиллерия открыла

сгонь, преграждавший доступ к реке, вся мощь огня наших судов обрушилась на нее и она была буквально задавлена, заглушена и, если целиком и не уничтожена, то, во всяком случае, принуждена была замолчать навсегда. Тем временем наши цепи стали накапливаться на левом берегу реки, готовясь перейти в атаку. Перецправа была трудной и немало жертв поглотили мутные воды Кара-Дере. В более легкие условия попал наш крайний правый фланг. Громадные штабеля досок и дров, сложенные по берегу моря и вдоль реки, послужили ему надежным прикрытием и, пользуясь им, первая сотня вплотную подошла к дымящимся развалинам селения Сюрмене.

При переходе реки вброд, под мостом, люди 1-го взвода, под огнем повалили несколько телеграфных столбов, быстро снесли их на мост, и, связав телеграфной проволокой и попавшимися веревками, перекинули через провал на мосту. С правого берега кое-как укрепили столбы, набросали настил из досок и сотня, без задержки, на ходу рассыпаясь в цепь, взяла свое направление. За нами, накапливаясь, стечной двигались цепи второй линии. Но атаки не последовало. Турки, морально потрясенные действием могучей артиллерии, разгромившей неприступные позиции и нанесшей им, как показали пленные, тяжелые потери, видя приближение пехоты, не выдержали и стали скромно бросать свою линию обороны и уходить за реку Янук-Дараси.

С уверенностью можно сказать, что бой с незначительными сравнительно потерями, был выигран только благодаря действию нашей судовой и полевой артиллерии. Сегодня каждый солдат чувствовал свою силу и мощь, и гордился ими. Авторитет генерала Ляхова поднялся на небывалую высоту.

Бой жончился. Спешно взбираемся на хребет, только что покинутый турками. С сопротивлением проходим мимо царства мертвых. Окопов почти нет, а их было несколько ярусов. Все разрушено, исковеркано и завалено. Надежные укрытия и блиндажи не выдержали огня морской артиллерии и только куски толстых бревен и балок, торчавших из-под земли, свидетельствовали о том, что здесь было укрытие или блиндаж, быть может похоронившие в своих недрах не один десяток несчастных солдат. Громадные воронки капризно изменили местность и словно от боли дрожали листья вырванных с корнями увядавших деревьев.

Взобравшись на гребень, наша сотня получила новое распоряжение — спуститься вниз к берегу моря и продолжать движение вперед по шоссе, огибающему мыс Сюренене, общим направлением на реку Янук-Дааси. Тут же, на шоссе, в маленьком покинутом селении сотня разместилась на ночлег, обеспечив себя выставленным сторожевым охранением. В сумерках угасающего вечера, ослепительно полыхали молнии и резко грохотали в море орудия наших линейных кораблей. Неутомимые моряки, уже впереди нас, громили вторую линию укрепленных позиций по реке Янук-Дааси и подготовляли нам почву для дальнейшего наступления.

Ранним утром, еще до восхода солнца, подошли мы к Янук-Дараси. Легкий пар клубился над широкой рекой. Было свежо, но ясное небо, чуть подернутое рядами оевых облаков, уже окрашенных в алый оттенок, предвещало ясный и жаркий день. Далеко, в море, ползла черная полоса дыма приближавшихся кораблей. С первыми лучами восходящего солнца река была оставлена позади и ленты извивающихся змеек, начавших подъем сотен покрыли склоны турецких позиций. Позиции эти были очень сильны, прекрасно оборудованы, укреплены и окутаны проволокой по всем правилам инженерного искусства. Без единого выстрела были они брошены турками. Хотя расстояние до Трапезунда не превышало 20-ти верст, движение левого фланга Отряда замедлялось чрезвычайно пересеченной местностью. Счастливое исключение составляла наша сотня, продолжавшая движение вдоль берега моря, по шоссе, но нам часто приходилось останавливаться, чтобы не потерять связи с соседями слева.

К четырем часам дня на участке нашего батальона завязалась горячая перестрелка с аръергардными частями турок, занимавшими высоты у берега моря. Тяжелая артиллерия линейных кораблей тотчас же открыла огонь и, под его прикрытием, сотни пошли в атаку. Атака блестяще удалась и противник был сбит. Умопомягкая морская артиллерия вдруг снова заговорила и всей своей тяжестью обрушилась на высоты, уже нами занятые. Немедленно была оповещена Служба Связи Черноморского Флота, находившаяся на берегу и огонь был быстро прекращен. К сожалению, наш 1-й батальон понес потери от огня своей же артиллерии.

Уснувшее синее море чуть колыхалось под легким дыханием ветерка. Стая дельфинов шаловливо резвилась в спокойном просторе синевы, лениво кувыркаясь по вспененной воде.

Но на этот раз не дельфины привлекли всеобщее внимание. В море появилась какая-то точка, быстро летящая к берегу. Скоро и простым глазом можно было увидеть, что это паровой катер одного из линейных кораблей. Катер лихо подошел к берегу, саженях в ста впереди нашей позиции и, ко всеобщему изумлению, из него выскоцил на прибрежный песок сам генерал Ляхов. Высокий, стройный, в белой ташке и черкеске, с башлыком за спиной, не обращая внимания на усилившуюся стрельбу турок, сосредоточенную теперь по катеру, он во весь рост, спокойно стал рассматривать в Цейс место турецкого расположения. Чуть в стороне от него стоял Начальник Штаба Михайловской крепости полковник Карапулов и о чем-то говорил с адъютантом. Все взоры были устремлены на бесстрашного и лихого Начальника Приморского Отряда. Так же спокойно генерал Ляхов повернулся спиной к туркам, что-то крикнул на катер и подбежавший в ту же минуту матрос вручил ему семафорные флаги. Повернувшись лицом к морю, генерал Ляхов лично просемафорил что-то на успевшие подойти ближе линейные корабли и в ответ с них загремела стрельба. Катер оттолкнулся от берега и ушел обратно. Не прошло и двух часов, как Зеленые Горы остались у нас в далеком тылу. Дальше противник отходил без выстрела и мы беспрепятственно двигались по шоссе.

Ночевка в обширном запущенном саду предстояла спокойная. Турки, в достаточной мере издерганные, едва ли были способны предпринять что-либо серьезное. С аппетитом, за оживленной беседой, погуниала и напилась чаю небольшая, уже крепко спящая сотенная офицерская семья. Проверены охранения и секреты, отданы распоряжения на случай тревоги и, усталые, растянулись мы на приготовленных вестовыми постелях, в небольшом домишке, тут же в саду.

— Вашбродь... — послышался сквозь сон настойчивый зов телефониста, дежурившего у аппарата в соседней комнате, — Вашбродь, так что из секретов привели двух турецких офицеров. Прикажете впустить?

Мигом, как рукой, сняло тяжелый сон. Уже на ногах, при свете мигающей свечи, мы с любопытством разглядывалиочных посетителей, стоявших у дверей, под конвоем двух рослых молодцов с винтовками. При помощи вахмистра Поповича, в совершенстве владевшего турецким языком, выяснилось, что один из них — капитан (юзбаши), а другой — поручик. Оба командиры рот Жандармского полка, сражающегося против нас. Они добровольно перешли к нам. Капитан с волнением говорил, что по его мнению, Турция, вовлеченная в авантюру немцами, погибнет. Война с Русскими не пользуется никакой популярностью. Бесконечные неудачи по всему фронту и поражения последних дней окончательно подорвали

веру в конечный успех войны и "мы, как офицеры, честно говорим вам, что нам стыдно за армию, а позор Родины — тяжек для нас. Конечно, мы могли найти и другой выход — покончить с собой, но морально надломленные, мы остались все же людьми и у нас не хватило силы воли это сделать".

— Думает ли ваше командование защищать Трапезунд? — спросил я.

— Да, решено защищать, если из Байбурта успеют подойти свежие дивизии. Без них Трапезунд не в состоянии держаться и будет, безусловно, отдан без боя.

За стаканом чая, предложенного туркам, разговор коснулся последнего боя на Кара-Дере и тех потерь, которые нанесла им наша артиллерия.

— У нас был сплошной ад, — говорили они и, вон, нервы их сдали настолько, что они, забыв долг офицера и бросив своих солдат, очутились у нас.

Отправив их в штаб батальона, мы снова завалились продолжать прерванный сон.

Следующий день, 4 апреля, полк продвигался, не встречая никакого сопротивления. Сзади полка, под присмотром полковых пастухов из нестроевых, плелись стада коров и баранов, отбитых у турок. Мяса у нас было вдоволь и в смысле питания дело обстояло настолько хорошо, что долго впоследствии, уже на Огнетском направлении и особенно в Персии, не раз вспоминались нам чудесные шашлыки, которыми мы обедались у ворот Трапезунда.

Утром 5 апреля, в районе селения Драна, сотни перешли реку Келафка-Дараси, по многопролетному, длинному и почти неповрежденному мосту, и тут же на берегу сделали большой привал. Из штаба было получено приказание соблюдать осторожность, так как мы уже находились в зоне обстрела крепостной артиллерии противника. Невольно все присмирили в ожидании сюрпризов со стороны невидимого, но близкого врага. Горизонт был чист и только невдалеке от берега маячило два паших больших турбинных миноносца. Линейные корабли, израсходовавшие за эти дни немало снарядов и угля, ушли в Севастополь пополнить запасы к предстоящему взятию Трапезунда. В ожидании дальнейших распоряжений полк, оставаясь в исходном положении, выпустил вперед щупальцы разведывательных отрядов и обеспечил себя сторожевым охранением. Не теряя времени, кашевары принялись за свою песчаную стряпню и полк успел пообедать. После обеда потянуло ко сну и мы слегка задремали.

Страшной силы взрывы, следовавшие один за другим со стороны Трапезунда, заставили нас всех вскочить на ноги. Первая мысль была — турецкая артиллерия открыла огонь, — но не слышно было полета снарядов и все стало ясно: турки бросают город и взрывают свои склады.

— Сотни вперед! — раздалась команда командира батальона и паша сотни, разобрав винтовки из козел, чуть ли не бегом бросилась по шоссе к Трапезунду.

Дорога змейлась в горах, но, чтобы выиграть вре-

мя, мы шли напрямик, спускаясь к берегу моря. Но вот и последние повороты. Шоссе стрелою сбегает в долину реки Мариам-Дараси, взлетает на мост и теряется в садах и предметных постройках. Город перед нами.

Город Трапезунд расположен под горой, на всхолмленной равнине, длинным горбатым мысом врезающейся в синюю гладь моря. Издали, город — почти европейский. Начало истории Трапезунда таится еще в пещерах каменного века, в изобилии имеющихся в горах и вокруг города. Времена исторического расцвета и громкой славы его длились с XIII по вторую половину XV века. В XIII веке это была мощная Империя, рухнувшая в XV веке вместе с Византией к ногам победителей — турок. В городе до сих пор сохранились развалины дворца и акрополя царствовавшей династии Комnenov. За развалинами дворца, на склоне горы, командующей с востока городом, приютился женский монастырь имени Девы Марии, основанный в V веке. В далекой древности город был обнесен крепкой, местами еще сохранившейся, стеной из булыжного камня.

Перед входом в город, нашей сотне суждено было быть свидетельницей картины, достойной кисти художника-баталиста — прямо на нас, подымая облачко пыли рысью двигалась большая и пестрая кавалькада. Американский консул, греческий митрополит, глава мусульманского духовенства, чиновники муниципалитета во главе со своим начальником. Всех их осенял громадный белый шелковый флаг, а в руках одного из представителей города находилось громадное позолоченное блюдо с ключом от города Трапезунда. Город сдавался на милость победителя и ключ от него везли генералу Ляхову.

Наша сотня первой вошла в Трапезунд. На всех домах белые флаги. Греческие дома пестрят своими голубыми и нашими трехцветными. Кое-где уже начался грабеж. Православные греки — разбазаривать турецкие лавки. Пришлося принять суровые меры и пресечь начинающееся безобразие. Вскоре подтянулся и весь наш первый батальон и, вслед за ним, сводный батальон Михайловской крепостной артиллерии. Для поддержания порядка, были назначены патрули и караулы, и жизнь быстро вошла в нормальную колею. Город не пострадал от взрывов и только повсюду валялисьбитые стекла. Наш батальон разместился в просторных казармах, при входе в город с востока. Началась гарнизонная служба, в ожидании прихода полиции, должностных лиц и наложения всего того сложного аппарата, который именуется гражданским управлением. Местные греки указывали места, где находились брошенные турецкие орудия или части их, уточленные в колодцах, но у нас не было времени заниматься сбором трофеев. В то же время, батальон готовился к параду, который был назначен на 7 апреля.

Нужно сказать, что по диспозиции генерала Ляхова мы должны были брать Трапезунд 7-го апреля, Турки с этой диспозицией не согласились и отдали его без боя 5-го апреля, то-есть на два дня раньше.

7 апреля на рейде Трапезунда появились наши линейные корабли и миноносцы, присланные для поддержки Приморского Отряда при овладении этим городом.

На громадном плацу, перед казармами, был построен 1-й батальон 5-го Кавказского пешего Пограничного полка и сводный батальон Михайловской Крепостной артиллерии. Парад принимал Командующий Кавказской армией Генерал Юденич. При прохождении церемониальным маршем, с моря слышалась стрельба — это наши корабли отражали атаку немецких подводных лодок.

8 апреля наш батальон получил распоряжение, оставаясь в отрядном резерве, занять село Мичирджи, находящееся на Эрзрумском шоссе, на полпути между Трапезундом и Джизилем, занятым 19-м Туркестанским стрелковым полком, и расположиться на отдых. Наша 1-я сотня выступила влево в горы, выставила там сторожевое охранение и вошла в связь с пластунами, занимавшими позиции вдоль Понтийского Тавра, по направлению к истокам реки Карадере. Этот хребет, суровый зимой, с наступлением весны уже делался вполне проходимым и Приморскому Отряду пришлось сильно загнуть свой левый фланг для стыка со 2-м Туркестанским корпусом, находившимся на Байбуртском направлении.

Трапезундская эпоха закончилась. На фронте наступило затишье. В мае и июне, когда турки получили подкрепление, начались снова бои. В июне месяце им удалось прорвать наш фронт, как раз на стыке со 2-м Туркестанским корпусом, и выйти в сторону гор. Оф, на Черноморском побережье. Операция эта была быстро ликвидирована, так же, как и одновременные попытки вернуть Трапезунд. В июне месяце, морем, в район Трапезунда прибыло две пехотные дивизии со своей артиллерией и Приморский Отряд был переименован в 5-й Кавказский корпус, который принял генерал Яблочкин. Генерал Ляхов, награжденный Орденом Святого Георгия, покинул Отряд и получил в командование 39-ю пехотную дивизию. Особенно тепло прощался он с нашим полком, его детищем, и всем офицерам, участникам десантных операций, оставил на память свои фотографии с трогательной надписью.

1 июля началась для нашего корпуса Эрзинджанская операция. 2-й Туркестанский корпус перешел в наступление, чтобы взять Байбурт, расположенный в излучине верхнего течения реки Чорох-Су, 5-й же Кавказский, ударом во фланг противника, должен был способствовать Туркестанцам. На крепких позициях турок у горы Кара-Абдалг, 5-й Кавказский Пограничный полк, имея во главе 1-й батальон, прорвал фронт турок. К 4 июля в батальоне из 4-х полных сотен, осталось 2 офицера и 80 рядовых, но дело было сделано и полк, покинув навсегда Приморское направление, вышел на липию Зигана-Ханлари, Арзасса. Понесший такие потери полк был оставлен в корпусном резерве.

Шоссе Трапезунд — Эрзерум было в Русских руках и построенный на нем полк встречал Наместника на Кавказе, Великого Князя Николая Николаевича, ехавшего из Эрзерума в Трапезунд. Медленно проходил автомобиль Великого Князя мимо построенных сотен, державших винтовки на-караул. Стоя в машине, во весь свой богатырский рост, Великий Князь поздоровался с полком.

— Государь Император повелел мне передать вам, сверх-добротные орлы Кавказской армии, Свое Спасибо...

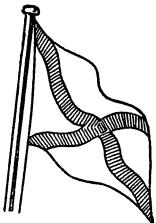
— Рады стараться, Ваше Императорское Высочество, — и громовое “ура” долго неслось вслед уходящим машинам.

Полк двинулся в Далтабан.

Г. Аустрии

День на крейсере

(Окончание)

Только-что спущен сигнал “ОН”, с одновременно сыгранной побудкой.

На вахте образцовый вахтенный начальник, лейтенант Р., которому так стараются подражать все мичманы крейсера. Да как и не подражать? На вахте у Р. никогда не бывает “тумана”, т. е. оплошности в выполнении распоряжений, незамечанного сигнала, опоздания в каком-либо маневре. Никогда не спеша, Левушка, таково его имя, всегда во-время там, где что-либо “засело” и то, что без него не клеилось, после двух-трех его коротких, полууздительных тоном брошенных распоряжений, немедленно и безуко-ризненно выполнялось.

Староф подходит к нему.

— Лев Николаевич, сыграй боевую тревогу, а потом будет длительное артиллерийское ученье, по просьбе Петра Петровича.

Петр Петрович — это старший артиллерист, который в сопровождении своего помощника лейтенанта С. уже направляется по продольному мостику в сторону боевой рубки.

— Горнист! Боевую тревогу! — командует Р. и передает вахту старофу, сам направляясь в “низы”, т. к. он, по тревоге, начальник трюмо-пожарного дивизиона, т. е. заведующий всеми мерами безопасности крейсера от потопления в бою.

Крейсер ожил топотом ног по палубам и трапам, ведущим наверх. Боевая тревога — смысл подготовки корабля для нескольких минут современного боя, когда его судьба будет решена. После продолжительного пребывания в резерве или плавании с учебными целями, эта сторона подготовки была заброшена и теперь, когда Балтийский флот, под руководством адмирала Эссена, достигал верхов тренировки, старый крейсер, но с новейшими, недавно установленными на нем орудиями и автоматическими, мало еще известными приборами управления огнем, нуждался в обучении его личного состава.

Быстро снимаются чехлы с пушек, открываются горловины погребов, откуда электрические лебедки подают снаряды.

По левому борту мичман М. обходит орудия своего “плутонга”, т. е. батареи. Проверяет установку прицелов по стрелкам циферблотов, управляемым

электрическим током из боевой рубки. Чтобы дать тренировку подаче снарядов, он дает приказание своему помощнику, артиллерийскому унтер-офицеру:

— Шлех, беседку со светящимися подать.

Шлех бросается к переговорочной трубе и, готовый лопнуть от натуги, дует в нее, чтобы внизу, в погребе, привлечь внимание свистком.

— У погреби! У погреби! — взвывает он, пока наконец, слышит, что кто-то подошел и, свинув в ответ, слушает — Лядущенко, Лядущенко, — с досадой кричит он, — тебе говорю...

— Чаво? — сонный голос снизу, из преисподней.

— Тебе говорю Лядущенко, накати светящую.

— Да кто приказал? — слышан недовольный голос старшины погреба, привыкшего обычно дремать во время тревоги, а не отыскивать “светящую” среди других снарядов погреба.

— Да ен, ен, — твердит Шлех, стесняясь, т. к. мичман находится совсем рядом, а Лядущенко не понимает этого, снова досадливым тоном переспрашивает:

— Да кто ен?

— Да я ж тебе говорю, ен... Ну, палутонговый...

Слыша эти споры, мичман М. подскакивает к переговорной трубе и звенящим от раздражения голосом:

— В погребе! Старшина!

— Есть, вашкобродь! — меняется у Лядущенко тон на молодцеватый.

— Долго я буду ждать беседку со светящимися?

— Есть, со светящими! — слышен ответ и тотчас же, погромыхивая приводами тросов и шкивов, на свет Божий выскакивает беседка со снарядами.

— Три раза повторить подачу. Десять секунд на каждую. Проверьте, — приказывает офицер, направляясь на мостики, куда вызваны все плутонговые командиры, для получения инструкций от старшего артиллериста.

По последнему сигналу из боевой рубки, пушки “до отказу” задраны наверх, т. е. на максимальную дистанцию в 82 кабельтовых, которой так горд старший артиллерист. Все орудия крейсера наведены в одну точку, где-то далеко за городом, и Петр Петрович менторским тоном объясняет:

— Вы даете 2 с половиной больше, затем — полтора меньше и теперь переходите на поражение. Все

орудия — беглый огонь, и... — он с удивлением смотрит, свесившись с мостика вниз, так как с легким “т-р-р” на их роликах, все пушки левого борта двигаются быстро куда-то, ушираясь дулами в воду у самого борта крейсера. Старший офицер бросается к телефону и нервно спрашивает:

— Во втором плутонге. Что вы делаете?

Командир плутонга катится горохом по трапу вниз, ничего не понимая, пока не застает следующее: по плутонгу проходит старик, артиллерийский кондуктор Бобров, который видя, что офицера нет, а в полуторике видна та самая злосчастная шестерка, из-за которой Коля получил “фитиль”, теперь возвращается с берега, не задумываясь, командует:

— В проходящую шлюпку целься! — (в точности как его учили “распоряжаться” лет 20 тому назад на учебном судне “Эдинбургский”).

Увидя бегущего со злым лицом офицера, старик понимает, что сделал не то, что следует, и растерянно тянеться, отдавая честь.

— Виноват, вашкобродь, это я для практики...

— Да вы белены объелись, что ли? Какая практика? Вы в бою в проходящие шлюпки наводить собираетесь!..

— Чтоб людей занять... Без дела чтоб не были...

— Людей падо учить, как и что делать во время боя, а не занимать их глупыми наводками в шестерку с провизией!... Нет, уж лучше вы не вмешивайтесь!.. — говорит мичман, исправляя установку прицелов и возвращается на мостик доложить, что произошло с его плутонгом.

— Положительно, от таких пережитков старины, как наши Бобровы с “Эдинбургского”, лучше избавиться совершенно. Нам нужны новые унтер-офицеры, — говорит старший артиллерист. — Впрочем, это дело командира.... Теперь, произведите, господа, плутонговое учение, — добавляет он, отпуская офицеров.

На шкафуте, унтер-офицер Шлех обучает прислугу плутонга заряжанию пушек.

— Слушай ребята, запоминай отчетливо, чтобы никакой бузы не было, ежели плутонговый проверять будет. Если он скомандует: смена номеров, на-ле-во, все поворачивайся направо, кроме первого номера, что остается на месте.

“Батюшки, упаси, — думает, почесывая за ухом и тужась понять, спарядный подносчик Теленкин Иван. — Как пригнали нас на службу, да сдали во Флотский Экипаж в Кронштадте, все учили нас, если там взводный или ротный скомандует “на-лево, поворачивай”, значит, всего себя налево, и жди, что будет потом, а здесь — как видно, наоборот. Ну и трудная наука эта антилерили...”

О том, что Устав существует со времен Петра Великого, да и вообще знал ли Теленкин о Петре? Пожалуй, что и нет. Геральдика Теленкина незамысловатая: в Псковской губернии деревенка его отца соприкасалась с барским имением. Он помнит, что когда отелилась их корова Пеструха, то, спустя недели две, его мать пожаловалась отцу, тоже Ивану,

что молока не хватает для семьи, телушка все, мол, высасывает из коровы. Отец нашего Ивана был мужик разумный и строгий, баловства даже от теленка принял не мог, на следующее же утро, подойдя к теленку, он посадил его себе на плечи и, легко перешагнув забор, пустил его в барский сад.

“Плетень — барский, я его не поврежу. А трава — Божья, пусть телушка покушает”, — бормотал он.

Мычала корова, мычал и теленок с другой стороны плетня, но с этого дня они были разъединены навсегда. Но вот, прошло месяца два и как-то, по другую сторону плетня, показалась голова помещика, случившегося в этой части сада.

— Иван! — крикнул он, — не твоя ли это корова у меня в саду?

Тот вышел из избы на зов и, так как был он человек правильный, любил правду, согласился он немедленно:

— Пожалуй, что и моя.

— Так почему же она здесь? — нерешительно спросил барин.

— Не взыши... От маткиного вымя телушку отделили... Объедала семью. А тебя не объест, вона травы-то сколько!

— Да мне травы не жаль, а вот она всю мою машину помяла, молодые яблони поломает, — возразил барин. — Она уже больная, ей пора в стадо. Ты бы ее обратно взял.

— Не сумлевайся, барин, возьму, — и с этими словами Иван шагнул через плетень, и, как ни брыкалась молодая корова, которая уже пудов пяти была, он понатужился, но так же легко и осторожно перенес ее через забор, на свою сторону.

— Ну и силища! — покачал головой барин, — хороши теленок? — добавил он.

Собравшиеся поглазеть соседи заухылялись, а, когда возник вопрос, под какой фамилией на призыв записать молодого, они посоветовали дать ему в честь его отца фамилию Теленкина, в отличие от других Иванов. Но это было только, чтобы угодить начальству, а письма из деревни приходили всегда по адресу:

“Парский крейсер такой-то, получить Ивану Иванычу Скопской тубернии”, а уж это было дело ротного командира спрашивать перед фронтом:

— Кто здесь Иван Иванович из Псковской губернии? — и выдать письмо по принадлежности.

Унтер-офицер Шлех сначала косился на Теленкина, когда он без “прибойника” досыпал спаряд так, что его медный поясок врезался в винтовые нарезы внутри пушки, т. к. это нарушало порядок и прибойничный оставался как бы без своего назначения, но, заметив одобрительные улыбки офицеров. Шлех успокоился и Иван уже не стеснялся со спарядом, весом фунтов 60, который он совал в дуло пушки, как хлеб в печь, быстро и легко, а прибойничный только переминался с ноги на ногу, для отбивания такта, прибойник же держал у плеча.

В это время, пока производилось артиллерийское

учение, шестерка с провизией была у трапа, полная бочек, мешков и корзин.

Так как отбой боевой тревоги был сыгран, на вахте снова Р., с высоты верхней площадки трапа обдумывал, как бы, не опрокинув, поднять полуоткрытую бочку с кислой капустой. Он приказывает завести пару дополнительных оттяжек и бочка мирно ползет на талях кверху, когда со шканцев раздается шепелявый голос:

— Лейтенант Р., как вы поднимаете бочку?

— Стропом, господин капитан первого ранга.

— Нет, простите, это не строп!

— Никак нет, это строп!

— Нет, не строп! — уже топает ногами Шлепа, раздраженный с утра.

Всеприсущий староф высовывается за борт, взглянуть, в чем дело.

— Александр Семенович, — меняя тон на жалобный, обращается к нему командир: — Смените лейтенанта Р. с вахты.

— Есть! — официально отвечает староф и, видя невдалеке лейтенанта барона Р., известного его приятеля под прозвищем "Яшка", говорит ему:

— Федор Лотарович, вступи, пожалуйста на вахту, на остающиеся полчаса.

Лейтенант же Р., задетый в своем служебном достоинстве, снимает шарф, сдает вахту и, уходя, в досаде громко говорит:

— А все же это строп.

Но последний голос за командиром:

— Александр Семенович, арестуйте лейтенанта Р. на сутки, с приставлением "пикадора", — и Шлепа, голова кверху, уходит на ют.

В 5 часов пополудни слышна дудка:

— Окончить все работы и занятия. На палубе прибраться. Палубу подмети!

Таким образом заканчивается трудовой день. В нем больше всего забот для старшего офицера. Сотни мелочей не могут обойтись без его внимания и взгляда, он должен быть повсюду одновременно, все видеть и всем распорядиться.

Теперь, отбросив фуражку на стол, он падает, а не садится на кожаный диван в кают-кампании, вблизи уже сидящего с газетой в руках, в своем излюбленном кресле, старшего артиллериста и устало произносит:

— Уф!..

— Что, намотался? — с усмешкой спрашивает его Петр Петрович, опуская газету.

— Возле 6-го орудия масляные пятна на палубе, — бросает тот вместо ответа.

— Но комендоры же подкладывают брезент, при смазывании пушек, — сразу же принимает на свой счет замечание старарт.

— Да, подкладывают. Ты всегда за своих людей заступаешься... Но брезенты с обоих сторон вымазаны тавтом... Остаются следы...

— Командоры обязаны мыть только чехлы пушек...

— Да, я знаю, но это не меняет дела... Палуба грязная. Не все ли равно, по какой причине?..

Петр Петрович видит, что староф нервничает и советует дружески:

— Знаешь что, съезжай-ка ты на берег. Рассеялся немножко и перемени атмосферу.

— Да я даже не знаю, съезжает ли "он", — подразумевая командира.

Староф не может отлучиться с корабля, если командир я^а берегу.

— Пойди и спроси его прямо... Не ожидай приглашения, — говорит Петр Петрович, который сам, как старый холостяк, бывает на берегу редко, но уж тогда остается там несколько дней, причем его вестовой Матвеюк выезжает вперед, занять комнату в отеле и подготовить все необходимое для "семейной" жизни...

Пока происходит этот разговор, наверху на юте инженер-механик Шевчук, после обхода трюмов, куда он берет с собой духовое ружье для стрельбы по крысам, появляется вблизи прогуливающегося там вахтенного начальника. И в этот-то момент, из-за угла рубки, самодовольно хрюкая, появляется жирная свинья, в полном сознании своей важности, как командирской маскотты, и что ей нигде пути не закрыты. Но ее розовые части, пониже штопора, такая заманчивая мишень, что Шевчук не выдерживает, вскидывает ружье и дробинка видимо попадает метко, так как свинья делает что-то среднее между реверансом и приседанием на все четыре и, с неистовой истерикой, покидает ют, как раз в тот момент, когда из рубки появляется массивная фигура Шлепы и застает Шевчука прицеливающимся во второй раз, чтобы ускорить бег свиньи.

— Мичман Севцук! — раздается голос Шлепы, — это что вы обизаете мою Цюску?

— Цюска, бедная моя Цюска, поди сюда, — нежно чешет командир за ушами свою любимицу, одновременно обращаясь к старофу, который появляется спросить разрешение съехать на берег:

— Александр Семенович, предложите мичману Севцуку не обизать больше бедное зивотное... мою Цюску, — продолжает он гладить, еще всхлипывающую, но уже снова обнаглевшую, свинью.

— Позалуйста, поезжайте на берег, — добавляет он на вопрос старофа.

Если Шевчук так легко отделался, то это лишь потому, что с недавнего времени он в фаворе у командира, и вот почему.

Несколько дней тому назад, Шлепа съезжал на берег. Два мичмана, Шевчук и Коля, опоздавшие на очередную шлюпку, но одетые по береговому, топтались у трапа, в ожидании съезжающего на своем вельботе капитана. При его появлении наверху, оба вытянулись, отдавая честь и умиленно на него поглядывая.

— На берег хотите? — догадался тот.

— Так точно! Если разрешите с вами, господин капитан первого ранга.

— Проходите! — галантно пропустил их вперед по трапу Шлепа.

При подходе к пристани, чтобы не быть в долгу в отношении командирской любезности, Коля высказывает первый и проявляя инициативу, кричит: — “Такси” проезжавшему мимо финскому шоферу. Когда тот подъехал, Коля почтительно открывает дверцу и, вытянувшись, ожидает командира. Но Шлепа — скептический. Неожиданный расход на такси совершенно не входит в его программу, он бросает гневные взгляды на Колю, который, увлеченный своей находчивостью, не замечает. Но вместе с тем, Шлепа не решается, что же ему делать, садиться или идти пешком. Как хитрый малоросс, Шевчук спасает положение:

— Это он для нас, господин капитан первого ранга, мы спешим, — вкрадчиво и почти на-ухо рапортует он командиру.

— А, Севцук! Для вас? — оживляется Шлепа. — Оценяй, оценяй хорошо. Позалуйста, поезжайте, я хотел бы прогуляться пешком, — добавляет он с облегчением. — Я визу, вы господа большие... — и, с достоинством заложив руки за спину, он величественно направляется по набережной.

— Садись, Коля, первый, — приглашает теперь Шевчук, — так как ты платишь. И по меньшей мере довезешь меня до Эспланады. Не стесняйся, садись, честь и место.

Ужин в каютах проходит без оживления, вяло. Большинство офицеров резко недовольны случаем с Р., вмешательством командира в мелочи судовой службы. “Что, у него другого дела нет?” — была общая реакция.

Мичман К., который сегодня был пропускным, свободным от вахты, имел все основания провести приятный вечер на берегу, с одной знакомой дамой, специально приехавшей из Петербурга его повидать. Вместо этого — он попал в караул: когда на корабле имеется арестованный офицер, караульным начальником должен быть офицер тоже, вместо обычного унтер-офицера. Нечего говорить про Колю, он сидел за столом в полном расстройстве чувств, пожалуй, предпочел бы участь невинно пострадавшего и пользующегося общими симпатиями Р., чем сознавать себя “шляпой”, действительно “натуманившим” на вахте.

— Да ты не горюй, Коля, вышай вот лучше пиво, — говорит ему механик Данилевич.

— Ага, — сразу оживает Коля. — Ты, значит, меня угощаешь, — и быстро к буфетчику: — Еремеев, две бутылки пива и чек дашь подписать господину Данилевичу.

— Еще третью бутылку и на тот же чек, — подхватывает еще чей-то голос.

Данилевич уже сожалеет, что выразил сочувствие и спешит подписать чек, пока он не возрос. Вообще говоря, каюта крейсера дружная и молодая. На 24 офицера только трое женатых, командир, стар-

ший офицер и старший механик. В жалованье молодежь лишь расписывается в конце месяца, а наличные в кармане только тогда, когда удалось “загнуться” у ревизора. Но сегодня — близок конец месяца, все ресурсы истощены и приходится ограничиться напитками “на запасиши”, на корабле, без съезда на берег. Вечер предстоит скучный, нельзя ожидать ни с какой стороны подъема настроения, как это случилось, скажем, позавчера: часов в десять вечера у кого-то мелькнула “блестящая идея”:

— А что, господа, не закусить ли?

Староф поддерживает “блестящие идеи” всегда.

— Еремеев, — звонит он буфетчику, — что ты можешь нам предложить?

— Горячие биточки, сосиски, холодную закуску, — начинает тот перечислять свой обычный репертуар, но староф морщится:

— Ну, а что-нибудь этакое, повкуснее, — говорит он.

— Селедочку заправим, можно пирожки завернуть, — продолжает буфетчик.

— Ну вот, уже лучше. Ты уж подумай сам... Да доложить господам по каютам, если кто хочет закусить.

Желающими оказались все и вскоре человек двадцать офицеров заняли места за накрытыми столами, обмениваясь шутками и отыскивая предлог для оправдания экс-шлюха, который закончился приветствием сменившегося после “собаки” С.

Сегодня вечер начинается с того, что лейтенанты садятся за “трик-трак”, за круглым столом вблизи двери из командирского коридора. Петр Петрович, оставшийся за старофом, сидит в своем кресле, со стаканом чая на грелке, под рукой. Он в каютах авторитет по вопросам истории, внешней и внутренней политики, хотя обсуждение последней, так же, как религиозных вопросов, по Уставу запрещены, но иногда все же без нее не обходится.

Его оппонентом является неизбежно младший доктор, на официальном языке “лекарь” В. По окончании медицинского факультета университета, он, попав на крейсер, остался штатским в душе, радикалом, по причине поверхностного образования, неизменно терпящим фиаско в спорах с Петром Петровичем, обладающим многими поколениями воспитанной логикой понимания хода истории, через экономические и социальные фазы которой все нации и народы должны пройти без скачков в неизвестное, чтоказалось таким привлекательным молодому доктору.

Пожалуй он был единственным членом каюта-кампании на положении “чужого” человека “от сохи”, как подтрунивали над ним мичмана в своем кругу.

По случаю заметки в газете о нужде флота России, что была одной из обсуждаемых тем в те дни, вспыхнул короткий спор двух антагонистов, но трио из скрипки, виолончели и пианино, начавшее под руководством старшего доктора концерт, положило ему предел. В гостиной четыре лейтенанта сменили “трик-трак” на “домино”.

Мичман А., в ожидании вступить на "собаку", сидел на диване против двери в командирское помещение и мечтал о том времени, когда прослуживши 2 года, он пойдет в Офицерские Классы для специализации, а потом, кто знает, может и в Академию... "Только то плохо, что Академия ведет обычно к службе на берегу, — думал А., — но не доходить же и до состояния, вроде как наш командир..." — и в этот самый момент он замечает, что дверь в коридор как бы сама собой начинает приоткрываться, шире и шире становится открываемое пространство и вдруг мичман увидел, как в нем сначала появилась голова Шлепы, а затем постепенно и вся его массивная фигура.

По правилам, командир посещает кают-кампанию только по приглашению ее офицеров, переданному через старшего. Но, видимо, Шлепа не выдержал своего принужденного одиночества, так как он делает вдруг два решительных шага и оказывается за спиной одного из играющих в "домино", лейтенанта барона Р. Последний видит в зеркало, кто находится за его спиной, но делает вид, что не замечает.

— Кладите пять и семь, кладите пять и семь, — шепчет Шлепа, одновременно заглядывая в игру соседа тоже. Тогда Р. не оборачивается:

— А подсказчику ком грязи за щеку, — самым спокойным образом и тоном.

— Нет, простите, я не подсказывал, — раздается протест командира.

Теперь уже — общее движение. Офицеры встают, с официальным видом, но молча. Петр Петрович неохотно, как бы по обязанности старшего, направляется к неожиданному гостю. Встреча так холодна, что Шлепа растерянно поворачивается вправо, влево, не зная как выйти из неловкого положения. Его взгляд падает на старшего доктора, со скрипкой в руках, прервавшего музыку и тоже, в замешательстве, поправляющего свое пенсне. Почти бросившись к нему, как бы за спасением, Шлепа шепелявит:

— Я к вам, доктор, книжку попросить, читать мне нетеря, — объясняет он свое вторжение в кают-кампанию и, повернувшись к офицерам:

— Просю вас, господа, не беспокойтесь позалуйста, я к доктору, — и следя за последним, покидает кают-кампанию.

В дугонку раздается дружный смех. Смеются все от чистого сердца, вставляя замечания по адресу капитана:

— Это я ему за Левушку... Пусть скушает, — говорит Яшка, закуривая папиросу, удовлетворенно падая в кресло.

— Здорово же ты его угостили. Он ведь гастро-ном, — слышны голоса.

И, верно, причиной дружеского расположения капитана к старшему доктору служила обязанность последнего, как кормящего. Однажды Шлепа спросил:

— А что, доктор, вы пепонку любите?

Доктор ответил утвердительно:

— Как же, как же, особенно если она в сметане.

— Так уж вы, Николай Павлович, — заказывайте пепенку поцасце, — облизывая губы от приятных воспоминаний попросил Шлепа. С той поры вошло в правило:

— Фурс, — звал он своего вестового. — Что сегодня на обед?

— Печенка, вашкобродь, — рапортовал Фурс.

— Пригласи старшего доктора к обеду, — давал распоряжение командир.

Старший доктор был тоже не плохой едок, но Шлепа превосходил его азартом, когда на столе появлялась печенка, он откладывал нож и вилку в сторону и, ломая ее пальцами, мокал прямо в соус из сметаны, следы которого на усах задерживались до самого конца обеда.

Когда доктор вернулся в кают-кампанию, она была пуста. Мичман А. направлялся уже к двери, чтобы вступить на "собаку", один лишь Петр Петрович еще доканчивал за стаканом холодного чая свое "Новое Время".

— Чай? — спросил он доктора.

— Нет, спасибо... Я у него там два стакана выпил, пока он мне в жилетку плакал. Жаловался, что всегда раньше его соплаватели были с ним дружны, а теперь, он чувствует, его недолюбливают. Но я и не отрицаю. Что я мог ему сказать?

— Сказать мы ему, конечно, ничего не можем. О том, что он "последний из могикан", ему дадут понять очень скоро, как я слышал, Эссен ведь всех знает... Ну, что-ж, пора на боковую. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Петр Петрович.

Д. А.

С Назаровым под Вознесенском

(Окончание)

У самого подножья холмов мы увидели, наконец, Назарова. Он сидел на "Зорабе" лицом к нам. Англо-араб, смешно расставив ноги, обнюхивал воздух. И поводил ушами, прислушиваясь к пулям, пролетавшим над его головой.

Сотня развернула фронт перед Назаровым. Он оглядел нас и коротко сказал:

— Вы только что встретили пленных, которых взяла конной атакой 2-я партизанская сотня... Помните, что вы — 1-я сотня партизанская конная... С Богом!

Командир сотни повел нас вправо по лощине. Звуки боя на холмах стали отодвигаться влево. Так мы прошли довольно далеко. Хорунжий Воропаев при-

слушивался к тому, что происходило наверху, наконец, остановил сотню и, круто повернув ее налево, послал нас на скаты холмов.

Мы поднимались верхом, рассыпавшись в лаву. Подъем был длительный и утомительный. Вдруг ружейная перестрелка стала отчетливо слышна совсем близко. Оставалось еще немного, чтобы дойти до самой вершины холма, как вдруг, шагах в пятидесяти впереди, мы заметили несколько красноармейцев, стрелявших по нас с колена. Сотня бросилась вперед и вылетела наверх.

Оттуда, озаренная заходящим солнцем, открылась с фланга вся длинная большевицкая цепь. При виде нашей атаки в ней началась паника. Красные стали разбегаться по кукурузным полям, бросая оружие. На местах остались небольшие группы и одиночки, отходившие отстреливаясь, назад.

Несколько человек, в том числе я сам, кадет Кунделеков, Воронежского корпуса, рыжий немец со значком и другие, следуя за командиром дивизиона — есаулом Фроловым, который вынесся далеко вперед на своем вороном жеребце, с одной лишь плестью в руках, врезались в цепь. Не обращая внимания на огонь и не сдававшихся красных, мы вылетели потом на пустое место, где кроме снопов пшеницы ничего как будто не было. Но вдруг из-за одной из колен поднялся рослый матрос во всем черном, с винтовкой на перевес. Он был весь увенчан по диагонали пулеметными лентами, но, видимо, уже расстрелял все патроны. Подскакавший с другой стороны Фролов закричал ему, приказывая сдаться. Но красноармеец ответил матерной руганью и, пригнувшись вперед, ранил штыком взвившегося на дыбы коня Фролова. Мы моментально окружили матроса. Перебегая с места на место, он крутился, стараясь достать кого-нибудь из нас. Вольноопределяющийся Горбатов спрыгнул тогда с лошади. Он крикнул: "посторонись!", стоявшим против него партизанам и выстрелил в матроса. Тот, широко взмахнув в стороны руками, повалился лицом на поле.

Очистив занятую местность, сотня свернулась в колонну и спустилась с холмов. Стрельба прекратилась по всему фронту. Было уже темно, когда мы привели лошадей в порядок и начали устраиваться на ночлег в какой-то большой крестьянской постройке. Но, едва я вытянулся на соломе, как услышал мое имя: я назначался с одним пожилым казаком в сторожевое охранение. Мы выехали с ним и забрались в самую гущу кукурузного поля. Там казак предложил мне:

— Вот что браток, то-есть, господин кадет: вы, значит, выезжайте вперед и становитесь верхом часовым, а я туточки останусь подчаском. Через час я подменю вас, а еще через час нам обоим придет смена из сотни. — Я охотно согласился и выехал вперед один.

Ночь была темная, облачная и ветреная. Одному было жутко от разных шорохов, шелеста листьев, скрипенья стеблей кукурузы. Время потянулось очень медленно и напряженно. Я всматривался в темноту.

Большевики должны были быть где-то незадалеке и каждую минуту в кромешной темноте можно было ожидать всего.

Позже за тучами начало светлеть: где-то за ними пробивалась луна. Конь стоял смиро и тихо. В конце концов мне стало беспокойно: "Почему подчасок не сменяет меня? Прошло уже, наверно, не один, а два часа, может быть, и больше. Не уехал ли он куданибудь, бросив меня здесь одного? Почему не подходит смена из сотни?" Но я оставался на месте, не осмеливался бросить пост.

Прошло еще много времени. "Ну и черт с ним, с этим паршивым казачишкой. Потом объяснюсь с ним", решил я, окончательно смыкшись с ночным страхом.

Потом мне показалось, что стало еще светлее. Действительно, это не был уже лунный свет, а на востоке брезжила настоящая заря. Детали поля становились ближе и яснее. И вот где-то, как мне показалось, свистнула пуля, за чей еще одна, третья прошла высоко над моей головой. Я заволновался: может быть красные заметили меня и просто стараются сбить.

Позади было все тихо. В лощине лежала легкая дымка тумана. Когда достаточно рассвело, я принял, наконец, решение и тронул коня обратно. Пули свистели чаще.

Довольно далеко, уже на краю неожиданного поля, я заметил лошадь казака. Рядом с нею, на земле, мой подчасок спал безмятежным сном.

— Это так ты, старый хрен, ревностно несешь свою службу? — набросился я на него. — Оставил меня одного на часах всю ночь, а сам тут дуешь, как ни в чем не бывало. — И я обругал его крепкими словами. Казак равнодушно почесывался, слушая меня, и нерешительно говорил что-то в свое оправдание:

— Ну, что ж и заснул. Пришли бы сами разбудить. Да и чего тут такого? Значит не я, а сама сотня виновата, что никто не сменил нас.

В степи завязалась серьезная перестрелка. Мы с казаком решили возвращаться в сотню.

Когда вдали наметились постройки, в которых ночевала наша сотня, мне показалось, что там не было никакого движения, и это было странно. Небо стало светло-розовое, вот-вот должно было появиться солнце.

— А что, если наша сотня ушла и забыла о нас? — обратился я к казаку: — посмотри-ка, отец, что это за пыль слева?

Казак приложил ладонь к глазам и всмотрелся:

— А и верно: наша сотня и есть. Вон впереди и значек наш Назаровский. Стало быть, надо их напомнить...

Мы пустили лошадей галопом. Присоединившись, наконец, к сотне я, уставший за предыдущий бой и бессонную ночь, налетел на Ашуркина:

— Что же ты за вахмистр, если бросаешь своих партизан?

Он смущенно улыбнулся:

— Не сердись, Ваньчук. Виноват. Ты, конечно,

прав. Все проспали ночь мертвым сном. Но не время сейчас ругаться: мы идем снова в бой. Слышишь, какая там заваривается каша?

В самом деле, бой стал ожесточенным. К звукам пулеметов и винтовочным присоединялись орудийные выстрелы. Подошедшие к станции Константиновке бронепоезда красных начали обстрел участка. Сотня быстро подходила к противнику. Мы шли колонной по шести в открытой степи. Солнце встало и мгновенно залило всю местность первыми, косыми своими лучами.

Пули широкой волной неслись прямо на нас, то мы не убавляли аллюра. Вдруг впереди, среди копен, показались серые фигуры людей. Воропаев сделал знакомый знак шашкой. Мы вышли на галопе в лаву и потом сразу бросились вперед. Еще несколько напряженных мгновений и слева, на солнце, сверкнула одна шашка, ближе другая... Началась рубка бегущей цепи.

Вскоре все было кончено. Тут и там валялись по всему полю трупы убитых, брошенные винтовки, гранаты и пр.

Взводный урядник внимательно обходил копны пшеницы с револьвером в руке. Из одной из них торчали наружу каблуки сапог.

— Вылезай, а то пристрелю сейчас же! — закричал взводный.

Копна зашевелилась и из нее, покрытый соломой, появился матрос. Таким же способом из других копен и стогов было извлечено еще немало красных. Бой стих по всей линии фронта.

Ашуркин, уехавший один в сторону станции, вернулся оттуда с пустой гильзой шестидюймового морского орудия. Красные бронепоезда бросили позицию и ушли назад.

Сотня отдохнула и, выстроившись, тронулась обратно в Вознесенск. Солнце стояло высоко и припекало в степи. Мы возвращались знакомым путем, натыкаясь на следы недавних боев: валющийся штык, брошенную фуражку, кровавые тряпки, воронки от снарядов...

Потом сразу открылся внизу Вознесенск, голубатая лента Буга, мост. В небе неподвижно застыли облака. От земли шел еле-уловимый запах пороха, полевых цветов и чего-то другого...

Шедшая впереди лошадь вдруг шарахнулась в сторону...

— Повод влево! — послышалась команда.

Мы обходили неубранный еще труп красноармейца. Убитый лежал на спине лицом к небу. Ноги и руки его были широко разбросаны в стороны. Рядом валялась винтовка со штыком. Ставшие бесцветными глаза его с ужасом смотрели вверх. Лицо и руки совершенно темного цвета сливались с кожаной одеждой в сплошное черное пятно.

— А, да это наш вчерашний знакомый матрос, — сказал Горбатов: — тот самый, что ранил штыком коня есаула Фролова. Вот и успокоилась навсегда его злоба.

— Вы что там загрустили? — прервал наступив-

шее молчание подъехавший сзади Ашуркин: — а, ну-ка давайте любимую Назаровскую!

И тотчас же высокий тепор одного из партизан завел:

“Мы на лодочке катались,
А под лодочкой вода.
Девка платье замочила,
А па мальчика беда...”

Партизаны бодро подтянулись в седлах и радостно ответили ему хором:

“Девченочка,
Молоденькая,
Какая-ж ты
Хорошенькая”.

Сотня спускалась с холмов в полуденное марево лощины Вознесенска. Даль голубела со всех сторон и над головой где-то звенели невидимые жаворонки.

Было начало августа. Полк, удержав Вознесенск, стоял в бездействии и никто не знал, когда и куда тронется он дальше. Увы, подходило время расставаться с полком и уезжать в Новочеркасск для поступления в юнкерское училище.

Мы вчетвером пришли вечером на квартиру Назарова с просьбой отпустить нас из полка. Федор Дмитриевич задумался и спросил:

— Действительно ли вам так нужно поступать сейчас в училище? У меня в полку вы можете быть произведены в офицеры гораздо раньше. Наша борьба с большевиками приходит к концу и поддерживается исключительно духом такой молодежи, как вы. Уйдете вы — молодежь из полков, что останется от этого духа? Жалею, но задерживать не могу. Будучи юнкерами, вспоминайте всегда то, что увидели в моем полку. Здесь вы прошли настоящую боевую подготовку к званию офицера. Спасибо вам всем за службу на поле брани! — Назаров вздохнул, вызвал адъютанта и приказал ему к завтрашнему утру приготовить нам нужные бумаги.

Мы прощались с боевыми товарищами очень просто. Уводя с собой лошадей, мы отправились в обратный путь на реквизированной подводе.

Путешествие предстояло длинное и небезопасное: сменяя каждый день подводы, мы должны были пересечь большую часть Херсонской губернии, где после недавних разгромов бродили одиночками и группами разбежавшиеся красные. Так надо было добраться до Екатерининской железной дороги и сесть, наконец, в поезд.

Мы ехали несколько дней подряд этапами по 20—25 верст и все шло благополучно. Но как-то утром на дороге, навстречу нам показалось вдали несколько человек. Мы остановили возницу и осмотрели винтовки, поджидая подходивших людей. Их оказалось трое, в защитной форме, но без оружия. Приблизившись к нам и заметив наши винтовки, люди остановились в нерешительности.

— Кто вы такие? — крикнули мы им.

— Свои, — донесся голос.

По их одежде было ясно, что это были красные.

— Подходите и показывайте бумаги. Иначе пачнем стрелять.

— Ты откуда? — обратился мой приятель-юнкер к молодому белобрысому парню без фуражки.

Тот не пробовал запираться и сразу сознался, что был мобилизован силой в красную армию. Полк его недавно был разбит белыми и разбежался; сам же он возвращался в свое село. Парень показал свое удостоверение.

Второй и третий красноармейцы были с монгольскими лицами. Они оба оказались китайцами. Первый из них рассказал о себе приблизительно то же самое, что и светловолосый русский парень. Он тоже предъявил удостоверение. Другой же китаец не говорил по-русски ни слова. Он очень волновался и плохо понимал то, что ему переводил его товарищ. Он долго искал по карманам свое удостоверение и, наконец, извлек из складок пазухи какую-то грязную бумажку. Это было, действительно, свидетельство, подписанное полковым комиссаром, но на обратной стороне его чернильным карандашем было помечено: "Немедленно расстрелять. Поручик такой-то". Мы переглянулись.

Юнкер сказал первым двум:

— Вы оба можете идти, но, прия в деревню, явитесь сейчас же нашему коменданту. Скажите ему, что вы встретили нас, показали нам бумаги и что мы отпустили вас. А ты, — обратился юнкер к третьему красноармейцу, — подожди здесь. Ну, живей! — крикнул он отпущенными на свободу. Те бросились бегом от повозки.

Ашуркин и юнкер о чем-то тихо совещались. Но, когда я увидел, что Ашуркин поджал губы, собираясь слезать с подводы, я понял его намерение и остановил его:

— Нет, довольно. Мы только что ушли от этого. В деревне есть наша комендатура. Она сама решит, что надо сделать с этим китайцем. Деваться ему все равно некуда с его косой мордой. Прошу тебя, умоляю, отпусти его. Судьба найдет его сама. Иначе будет полный произвол, да и возница рядом... Не только для этого воевали мы. Он — безоружный...

Ашуркин не соглашался со мной, спорил, ругался и даже озверел, но, потом улыбнулся и сказал:

— Ну, хорошо, только для тебя, — и дав слово не расстреливать на месте китайца, слез с подводы. Он объяснил красноармейцу, что дает ему шанс спастись. Ашуркин будет медленно считать до десяти, но, произнеся слово десять — будет стрелять в него. На этот раз китаец как будто все понял. Едва только Ашуркин поднял винтовку и сказал "раз", мы крикнули китаецу: "беги!". Тот с совершенно изумительной быстротой бросился вперед и помчался по дороге к деревне. Когда Ашуркин подходил к восьми, красноармеец был уже далеко. По слову "десять" Ашуркин выстрелил. Пуля, видимо, прошла близко от бежавшего, так как он сразу наддал ходу и несколько

мгновений спустя совсем исчез из виду. Мы покатились от хохота и тронулись дальше.

Доехав до указанной нам станции Екатерининской дороги, мы получили от военных властей необходимые бумаги и пришли на вокзал.

Вдруг на перроне началась суета, появился рослый жандарм и строго одетый по форме начальник станции. Они и прочие служащие освобождали платформу от толпы.

— Господа, прошу вас уйти в помещение вокзала, — обратился к нам начальник станции: — приказано, чтобы на платформе никого не было: сейчас проходит обратно со станции Полоти поезд Главнокомандующего...

Вдали послышался протяжный нарастающий звук свистка паровоза. Еще немного и поезд влетел на станцию... Мелькнули, в сияющих на солнце вагонах, алые и голубые фуражки конвоя, ослепительно белые портупеи казаков, в лицо ударило волной запахов хорошей кухни, тонкого вина... В облаке густой икрыли поезд Главнокомандующего исчез из глаз, как мимолетное видение.

— Великая, Единая, Неделимая... — послышался за спиной негромкий голос. В эти словах почувствовалась ирония и грусть. И, как отзвук мысли, сразу представились мне недавно пройденные, залитые пальящим солнцем, херсонские степи, гул далекого боя, белые толпы пленных и где-то там далеко-далеко, в одном из маленьких домиков Вознесенска, сидящий при свете свечи Федор Дмитриевич Назаров, задумавшийся над каким-то большим и тяжелым вопросом...

В последний раз я видел Назарова в 1920 году, в Крыму, на станции Джанкой, куда было отвезено училище после боев под Каховкой. Меня вызвали к Начальнику училища.

Генерал Максимов сказал мне:

— Портупей-юнкер, полковник Назаров, ваш бывший командир полка, хочет повидать юнкеров — своих партизан: вы найдете его поезд на запасных путях.

Я быстро отыскал его и представился адъютанту Назарова, который сейчас же доложил обо мне. Из вагона вышел Федор Дмитриевич в новых полковничих погонах и, поздоровавшись, рассказал мне, что после отступления к Румынии 42-й полк попал в Польшу и там был разоружен. Сам он смог выбраться оттуда и не так давно приехал в Крым. Генерал Врангель разрешил ему формировать новый отдельный отряд под своим именем.

— Кто же сейчас в Атаманском училище из моих партизан? — спросил Назаров.

— Осталось только двое: Ашуркин и я.

— А почему он не пришел?

— Тяжело ранен пулей в голову навылет под Каховкой, господин полковник, — ответил я.

Назаров подумал и сказал:

— Я хотел бы повидать моего бывшего вахмистра. Где он?

Мы попали к вагонам с напитыми ранеными. Ашур-

кин сидел у двери открытого товарного вагона. Узнать его было невозможно, так как вся голова его была нагло забинтована, и только для глаз были оставлены щеболящие щелки.

— Он ничего не понимает и не может говорить, — объяснил один из легко раненых юнкеров.

— К тебе пришел полковник Назаров, — повторил я Ашуркину несколько раз, но он продолжал тихо стонать, покачивая головой в обе стороны и не слыша ничего. Федор Дмитриевич долго смотрел на него молча, потом взял под козырек и отошел от вагона.

Уже с 1924 году от приехавшего в Париж из

Японии генерала Хрецатицкого, который занимал большой пост в армии Семенова, я узнал, что Назаров во главе большого партизанского отряда продолжал войну с большевиками где-то во Внешней Монголии.

Еще несколько лет спустя, после окончательной ликвидации Белого Движения на окраинах Сибири, мне передали, что Федор Дмитриевич Назаров, окруженный большими силами Дальневосточной Красной Армии, доблестно погиб в бою со всем своим отрядом.

Иван Сагацкий

Конец Оренбургского - Неплюевского корпуса в 1920 г.

(Окончание)

Проснулись мы поздно. Поезд стоял на Слюдянке. На дворе было солнечно, ясно и нестерпимо тянуло на воздух из душного, стылого и грязного вагона. Собрав от всех поручения и получив деньги на покупку снеди, мы весело соскочили на чистый перрон, покрытый свежим белым снегом, и чуть не вприпрыжку побежали к станционной лавке. Вдоль поезда уже образовалась целая брехаловка: все русские, ехавшие в поезде, а их было более двухсот, устроили прогулку, утреннее гуляние. Когда мы, сделав все покупки, пошли обратно, то вились в этот поток и, радостно вдыхая чистый, холодный воздух, шли, пасляясь солнцем, воздухом и своей молодой жизнью. Уже недалеко был вагон коменданта миссии, как из дверей вокзала вышло двое, — один в русской серой шинели, другой в английской, зеленой. На груди у них краснели красные тряпки, связанные бантиками. Они прорезали поток гуляющих и вызвали коменданта миссии наружу. Я поравнялся с ними и должен был принять чуть вправо, чтобы не зацепить их локтем. Капитан Хирото вышел в своей желтой шинели, в фуражке с красным околышем и прямым козырьком. Он спросил их голосом в котором слышался твердый, жесткий иностранный акцент:

— Кто вы? Что надо?

Человек в серой шинели махнул рукой на английскую шинель:

— Он комендант поселка, я комендант станции: сейчас время тревожное, а у вас, — он повел рукой в сторону гуляющих, — едет много всякого народа, мы хотим, как и на всех других поездах, проверить документы и задержать подозрительных...

Мы с Васей замедлили шаги; ноги как-то странно отяжелели, мне ясно вырисовалась вчерашняя черная, клокочущая ангарская прорубь. Капитан Хирото поднял голову; вайчики от стекол его очков прыгнули по синей стенке вагона и погасли, а он твердо отчеканил:

— Это не большевики и не эсеры, значит люди не плохие, не опасные, а хорошие. Хотите взять их из японской императорской миссии? Попробуйте!

Он повернулся в сторону вагонов с конвоем и по-японски что-то крикнул резко, властно и громко.

Часовой японец, в странной высокой, ушатой меховой шапке, повторил его крик и выбросил винтовку на изготовку, широкий штык на ней сверкнул молнией на солнце и погас. И почти мгновенно, с грохотом стали откатываться двери теплушек и из них посыпались вооруженные солдаты, стремглав рассыпаясь в цепь. На крышу вагона втачивали Гочкис, два других Гочкиса поставили на перроне. Через минуту суета стихла: вокруг поезда стояла боевая цепь японских солдат. Красные коменданты, озлобленные, смотрели на эти приготовления, а затем растерянно забормотали:

— Да мы что. Мы так только, порядок...

Но капитан Хирото их не слушал, он повернулся, окинув взглядом вагоны, увидел, кого ему было нужно, невысокого русского генерала Дидерихса, молча смотревшего из двери классного вагона на эту сцену, подошел к нему, четко отдал честь и произнес:

— Разрешите просить вас, Ваше Превосходительство, прекратить гуляние ваших людей по станции без дела...

Я толкнул Ваську локтем и мы торопливо зашагали к вагону, придерживая руками рассыпающиеся покупки.

В зале читинского вокзала тусклым желтым светом горит электричество; в беспрерывно открывающиеся двери дымными клубами влетает и растекается по полу пар: на дворе мороз и пуржит; на каменных плитках пола, по всем направлениям, мокрые следы, кое-где лежат комья желтого, нерастаявшего снега. Мы стоим у стенки, потерянные, и растерянно, с жадным вниманием, вглядываемся в лица людей, — наши добрые покровители В. С. Иванов и капитан Маркевич, всегда заботившиеся о нас, ушли, на прощанье дали по четыреста рублей, а теперь надо было устраиваться на ночь. Куда идти? Кого

просить о помощи в чужом, равнодушном к нам, городе?

— Еленевский! Ты откуда тут? — окликает меня чей-то знакомый голос. Обернувшись вижу плотного портупей-юнкера эскадрона Оренбургского Военного училища.

— Николаев! — радостно вскрикиваю и сразу же начинаю выкидывать новости: “твоя мама и Мишка в Иркутске застряли, а я выскочил с японской миссией... Ты где тут сам?”

— На броневике “Семеновце”, а что?

— У тебя переночевать нельзя ли? Нам только на эту ночь, а завтра...

— Нет, у меня нельзя, вы дуйте к коменданту города, он...

— Вы, Неплюевцы, как уцелели? — раздается сзади голос.

Мы оборачиваемся и видим высокого полковника, сразу все трое вытягиваемся, щелкаем каблуками, звенят шпоры Николаева, берем под козырек.

— Вы как уцелели? — повторяет он вопрос, — да опустите руки.

Васька, полный недоумения, спрашивает:

— А почему, господин полковник, уцелели?

— Да ведь Корпус то ваш, — объясняет полковник, окружили красные; вы дрались, затем подняли белый флаг, а, когда красные подошли поближе, опять открыли огонь, ну когда красные ворвались, так перебили всех, даже третью роту...

При его словах мне вспомнилась тонная фигура маленького поручника Посавэра, напряженной струной стоявшего у пирамиды с винтовками, на ящиках патронов и тросящего застрелить каждого, кто только тронет винтовку, и я подумал: “Вишь ты, чего натрепали? И кто только эти басни набрехал? Неужели же сейчас, когда все бегут или изменяют, только одни мы, мальчишки, кадеты и можем драться беззаветно?..” На другой день сухощавый и чернявый портупей юнкер Зимин, фанатичный строевик, выстраивая команду вновь прибывших юнкеров Читинского атамана Семенова военного училища, с глубоким неодобрением смотрел на то, как мы с Васькой небрежно, по-кадетски, — чуть-чуть поднимая ногу, отбиваем шаг, вперяя в нас возмущенный взор и кричал:

— Ногу! Юнкер, ногу поверни!..

...Бронепоезд “Семеновец” перевели с главной ветки в Даурин на маленькую боковую, у самого вокзала. На дежурстве в броневой коробке делать нечего. От нечего делать я залез на пушку Норденфельда и примостился за железным, избитым пулями щитом, и, грязясь на ласковом, по-осеннему чуть греющем солнце, в сотый раз ленивым взглядом окидывал знакомую, надоевшую картину — осеннюю дарскую рыжую степь, ряды казарм, “Форт № 1” — двухэтажную казарму, в которой заделаны в нижнем этаже все окна и двери, на приставную лестницу, по которой кто-то ползет наверх с ведром воды, к часовому, что бродит около пушки образца еще 1877 г.,

там, где стоит пушка, снята крыша. Потом перевожу глаза вправо, к станции, и застываю от изумления: от станции к броневику идет женщина, окруженная кадетами третьей роты.

Это Анна Бенедиктовна Боровская, вывезшая из красного Иркутска десятка два кадет третьей роты. В большинстве, это были иркутяне, но среди них был и неплюевец — Павлик Иванов. Он первый рассказал мне скорбную историю превращения Неплюевского Кадетского Корпуса в 29-ю Иркутскую Советскую Трудовую школу... “зверей кого поарестовали, а кто поразбежался, первая и вторая рота тоже кто куда, — кто на работу устроился, кого в Красную армию мобилизовали, кто в Оренбург поехал, домой. А нашей третьей роте деваться некуда, — у кого братья были, так они их позабирали, а у кого родные в Оренбурге, с кем ехать? Некуда, не с кем нам ехать. Сидим голодные, в одном белье — обмундирование, одеяла у нас что позабирали, что мы сами с голода подроедали, в городе вонь страшная, пойдешь с голоду на огороды картошку воровать — поймают если, бьют до полусмерти... Хорошо, взяла меня тетя Боровская, а то бы пропал...”

— Куда же, Павлик? — полюбопытствовал я, — к родным, что ли?

— Да лезь ты сюда в коробку броневую, тут у меня сахар есть, хлеб, тебе погоны наши не надо ли?

Ни от хлеба, ни от сахара, ни от погона Павлик не отказался, а куда ехать, не знал и сам. Родных у него не было, в конце концов он еще с пятью кадетами остался у нас, во 2-й юнкерской пулеметной команде конвоя атамана Семенова. С нами они отступили из Забайкалья в Приморье и в декабре, по демобилизации армии в Гродеково, уехали в Омский Корпус на Русский Остров.

...Лето 1921 г. было сухое, засушливое, кругом горели леса, синим дымным туманом застило ближние сопки и дальние горы, в горле першила гарь. В середине августа, возвращаясь из командировки, — с охраной от хунхузов поселка Фалдеевского, слезая с поезда я увидел на безоружном часовом, уныло отглядывавшем станцию, поселок и бесконечные эшелоны нашей кочевой столицы Гродеково, светло-синий неплюевский погоны. Я подошел к часовому ближе — ба! да это Борька Медвецкий, уральский казак, однокашник, только 1-го отделения. Мы обнялись с ним и стали делиться с ним новостями.

— Ну, превратили нас в 29-ю Советскую Трудовую школу; занятый, ясно, не было больше никаких... Думали, как наши взяли в феврале Иннокентьевку, и нас освободят, красные весь забор бойницами издырявили, железо с крыши посыпали — на укрытия, днем еще туда — сюда болтались, а почью разбежались, — кабы мы знали, что наши мимо пройдут, так тогда убежали бы... ну, прошли наши, остались мы у красных насовсем. Брюхо с голоду подвело, стали мы на работу поддаваться, харчить-то хочется. 1-ю роту, кого в красную армию забрали, кто на работу

попшел, кто домой словчился уехать. Ну, удалось мне проводником на поезд пристроиться... стал я, значит, по дороге кататься. И не думал ничего, а тут вдруг, по ошибке что ли, поезд в Маньчжурию зашел; ну, я и слез сразу; другой случай такой, когда бы представился? Ну, дальше без приключений, денег на дорогу дали наши офицеры, приехал сюда; хотел на Русский Остров в Корпус, да меня здесь спешили, в Комендантскую команду взяли, не нравится до черта тут, в Корпус надо.

— А звери как?

— Да кто как, кто разбежался, кого порасстреляли, — моего Вишневецкого в Красноярске расстреляли, а твой, Александров, учителем в политшколе стал, — встретил его раз на вокзале...

— Чего? — не понял я, — какой еще политшколе?

— Да Читинской партийной политшколе, не понимаешь, что ли, балда? Русский язык да географию там преподает...

“Ага! Так вот оно что!” — мелькнуло в голове и в памяти всплыла картина... На дворе был страшный ноябрьский туман с Ангары, плотной серой ватой он обволакивал здания и по улице, в пяти шагах, ничего не было видно. Рассказывали, что иркутяне, пока у них классы были отдельно от спальни, ходили утром и вечером под бой двенадцати барабанов, чтобы кто-нибудь случайно отбившись из строя, особенно третья рота, не начал плутать, а знал бы, где идут.

По случаю этого тумана нас не вывели на послебеденную прогулку на двор и мы сидели в классах и коридорах, где целые сутки горело электричество. Когда проиграли отбой с прогулки, я вышел из коридора 1-й роты, где шестиклассник Мишка Николаев рассказывал мне о боях под Уральском, куда он перекочевал, когда красные стали занимать Оренбург. Под ногами гремела железная лестница и в ушах стояли последние мишкины слова:

— ...Ну, матросы или латыши, было наплевать: они идут. стреляют, а мы лежим, молчим, молчим, а как подойдут шагов на двести, ну мы по ним залп, другой, третий, ура и в штыки, они и бегут, а вот были сволочи, чалаевцы какие-то, одеты в черное, идут молча, без выстрела, ух как страшно было: мы сразу стрелять начали, а потом ничего, — всыпали им раза два, стали и они стрелять по нам, как матросы или латыши...

В нашей роте посредине коридора стоял полк. Александров, рыжие усы свисали вниз, он стоял тяжелой глыбой, глубоко засунув руки в карманы форменных пиджаков на выпуск. Около него кучей, тесно сбившись, стояли человек с десяток — все казаки. Увидев своего воспитателя, я сразу же присмирел и потихоньку подойдя сзади, стал сбоку и начал слушать. Говорил полк. Александров и его слова звучали веско и каменно-твердо...

— Ну, а что хорошего? Все войско разорили, что станиц то пожгли — Красногорскую первую, а сколько их? Все войско теперь разорено, а кто виноват?

— Так ведь война же, господин полковник, — чуть не сразу вскрикнули два-три голоса, — на войне не без урону же...

— А кто войско в войну втянул? — долбил воспитатель, атаман! Вы что думаете? Войско ему так и простит, что он всех под разорение подвел? Вишь ты не захотел подчиниться, — ну откажись от булавы, другой бы взялся, — хоть тот же Каргин, уладили бы дело по-хорошему...

Впизу на площадке проиграл сигнал, по классам. Полк. Александров оглянулся и оборвал:

— Довольно болтать — марш по местам!

...В вагоне, на верхних нарах тепло и от огонька, единственной свечки, кажется уютно. Я пежусь в тепле и с тоской думаю о моменте, когда все начнут зевать и устраиваться на ночь, а мне придется слезать вниз на нижние нары, в стылый холод ущели в стенке вагона, откуда особенно злобно морозит ледяной ветер и, заснув на час, вскакивать, трясясь в ознобе, начинать яростно швырять дрова в печку синими, непослушными руками, а, когда разгоралось пламя и железо печки начинало краснеть, тянуть к раскаляющемуся железу жесткие руки с негнувшимися скрюченными пальцами. На этих верхних нарах все начальство нашей сотни, все штабс-капитаны: красивый смуглый Плюснин, суровый Дорошков, деликатный Тарасов и худощавый Вержба. Вержба любит поговорить и сейчас о лениво тянет:

— Ну и телепаемся же мы, господа, пятый день едем, а до Хабаровска никак не дотянемся, послезавтра уже и Рождество, уже и 1922-й год наступает. И скучаща же, — как в Верхнеудинской Чека, впрочем, там не скуча, а тоска и страх были — от мордобоя до мордобоя...

— Как от мордобоя до мордобоя? Не понимаю я...

— Не понимаете, прапорщик? Просто, очень просто, — приведут на допрос да в морду, аж с ног валившись... поднимешься, а тебя с другого борту, да еще, да еще, да еще, кстати, вы Неплюевского Корпуса? Со мной в подвале сидел неплюевец, вице-унтер-офицер Мякутин, — расстреляли его за попытку перехода к белым. Попался и не сумел выкрутиться...

Вице-унтер Мякутин, худенький, какой-то сероватый, ты был с нами тогда, в саду Иркутского дивизиона, ты стрелял из соседней бойницы, под бойницей ярко алела на белом снегу лужа крови убитого Кончаловского; ты был талантливым поэтом и про тебя говорили уже тогда — “он прославит родной Корпус”. Почему не ушел с нами тогда в январе? Не знал? Не умел, что ли? И вот пуля в затылок, по чьей вине? На ком лежит твоя кровь и тебе подобных? Капля на мне с Деевым, а остальное на ком?

А. Еленевский

Лубочные картинки Восточной войны 1853-56

(Окончание)

От Редакции: Вследствии недоразумения, тексты лубков, помещенные в № 29, были изменены орфографически, в чем Редакция приносит свои извинения автору и читателям. В настоящем номере подписи под лубками напечатаны в их первоначальном виде.

6) Заглавие и текст: "Отражение Англичанъ отъ города Таганрога 1855-го года Мая 22 дня. — Печат. поз. Москва 17 Июня 1855 г. Цензоръ В. Флеровъ. — Печат. М. 27 Июня 1855 г. въ Металл. А. Лаврентьевой". — Этот гравированный лубок имеет лишь одно только заглавие; его левая сторона изображает город Таганрог (без признаков порта, как и на предшествующей картине), на совершенно плоском берегу, с 4-мя каменными церквами и домами, без могучей крепости. Шеренга из 8 Русских пехотинцев, имея сзади 3-х офицеров и 8 конных казаков — сбрасывает в море, штыками и пиками, высадившихся из лодок англичан; 8 других пехотинцев, засевших за оградой монастыря, — громят огнем, имея сзади резерв из трех десятков ополченцев; шагах в ста от берега — в двух линиях, стоят 10 двухтрубных пароходов, два из них бомбардируют склады дерева; население города вышло на улицы. Этот лубок гораздо менее "страшен", чем предыдущий и "адского" в нем мало.

7) На этой, литографированной, карикатуре, вместо заглавия, — две стихотворные пародии — на песенку и басню, первая — "Тройка":

"Вотъ мчится тройка удалая,
А глупость бодро правитъ ей...
И въ бездну тащить, какъ пальпая,
Разно-калиберныхъ коней!"

Вторая пародия — "Три товарища":

"Когда въ товарищахъ согласъ нѣть,
НАЛАДЪ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука,
Однажды лебедь, ракъ да щука,
Вѣсти съ Поклажай возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впрыглись,
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣть ходу.
Поклажа бы для нихъ казалась и легка,
Ла лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ?
Судить не намъ,
Да только возъ и нынѣ тамъ".

"Печ. Позв. М. 17 Июня 1855 г. Цензоръ Н. фонъ-Крузе. Лит. Сергея Стрѣльцова. Москва 1855 г.".

Эта лубочная потуга на карикатуру — пожалуй самая неуместная и не прозорливая; ведь июнь ме-

сяц 1855 г. — был началом агонии беспримерной защиты Севастополя, случившейся через три месяца... С правой стороны этой литографии — "могучие" стены Севастополя, усеянные пушками, из-за стен высится семь церковных колоколей; полевая пушка с тремя стоящими на вытяжку артиллеристами. С левой стороны лубка, па другой стороне морского заливчика мчится "тройка" (долженствующая неминуемо ринуться в этот залив), у корениника голова сultана, голова левой пристяжной — Наполеона III, правой — трудно определимая голова: на сардинского короля Эммануила вовсе не похожа, может быть сардинский премьер Кавур? Ямщица изображает королева Виктория, одетая балериной, в ее левой руке вожжи, в правой — волчок-паяц. На заднем фоне, перед 6-ю палатками и неприятельскими пехотинцами стоит наша крестьянская телега, нагруженная военными атрибутами и в ее оглобли впряженны: лебедь — улетающий, рак — уходящий в воду, и щука — ныряющая в воды залива... В море — мирно плавающие лодки!..

8) Заглавие и текст: "Подъ Севастополемъ перемирие на несколько часовъ для уборки тѣлъ Мая 25-го 1855 года. — По предложению Союзниковъ съ собоихъ сторонъ выкинуты были переговорные флаги и назначено несколько часовъ для уборки тѣлъ. Сперва носили тѣла на посыпкахъ, потомъ волокли и возили на повозкахъ до тѣхъ поръ, пока не терпѣливый французскій Генераль махнулъ рукой сказалъ: Довольно: закричали дѣлайте съ остальными, что хотите, — мы больше не примемъ. Во время уборки тѣлъ Нашему Генералу сказалъ Англинскій Генераль: у васъ должны быть очень хороши шпиона? Онь ему отвѣчалъ, почему вы такъ полагайтѣ? Потому что васъ предупредили о штурмѣ и вы успѣли приготовится. О да! Шпюнъ предуведающій нась о штурмѣ отличный, зовутъ его усиленное бомбондированіе. Англичанинъ поклонился и ускакалъ въсвойси. — "Печ. позв. М. 25 Июля 1855 г. Цензоръ В. Флеровъ. — Печат. въ Металл. А. Лаврентьевой. Москва 1855 года".

На этом мрачном лубке (гравюре) — справа, опять неприступный, величественный, весь каменный Севастополь, левее — морская бухта с пароходами и кораблями, далее шагах в 120 от севастопольских стен, — неприятельские траншеи; все небольшое поле покрыто солдатами, погребающими, уносящими и увозящими трупы. На переднем плане группа Русских и Французских офицеров, закуривающих друг у друга сигары, далее — тот "нетерпеливый французский генерал", о котором говорится в тексте. Подобные перемирия были и до, и после, но в данном случае лубочный хроникер ошибся, ибо это перемирие состоялось 28 мая ст. ст. (9 июня по новому стилю), после того, как одни французы потеряли 8.684 чел. при захвате Камчатского, Селенгинского и Волынско-

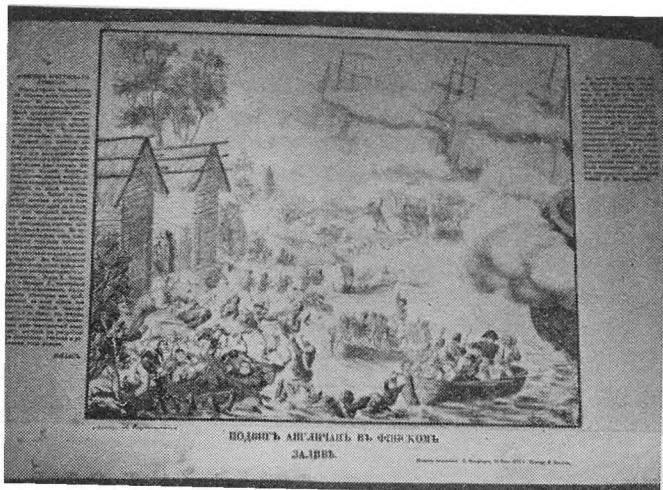
го лунетов, но на Малаховом кургане они еще осеклись.

9) Заглавие и текст: "6 Июня 1855, — (По) — Бѣда одержанная у Севастополя французами, съ многоязычнамъ участіемъ 6(18) Июня 1855, въ ознаменование такой же побѣды предъ Ватерлоо "6(18) Июня 1815 года, 40 лѣтъ назадъ". — Лит. Д. Сироткина. — М. Юнкласъ. — Печатать позволяетя, С. Петербургъ, 10 Июля 1855 г. — Цензоръ В. Бекетовъ". — Литографированная карикатура, съ подписью автора ("Юнк-лас" — псевдоним?), изданная въ Петербургѣ. Этотъ незнакомый художникъ отлично овладелъ карандашомъ и былъ талантливымъ юмористомъ, онъ запечатлелъ сцену блестящѣе отбитого штурма 6(18) июня, когда былъ "сыгран четвертый актъ севастопольской трагедии..." (см. "Севастопольская страда", стр. 586-7). Съ правой стороны литографии изображена часть бастиона съ пушками и съ сидящимъ на амбразурѣ Русскимъ солдатомъ, показывающимъ французамъ "нос"; ниже и вправо, черезъ обрывъ — нарисована добрая сотня комическихъ фигуръ французовъ, сбрасываемыхъ внизъ штыками и прикладами Русскихъ солдатъ, и убегающихъ къ "исходному пункту" держась за хвостъ чертаки; лежатъ два французскихъ знамени, порваныхъ пополамъ; на одной половинѣ слогъ "По", на другой — слово "Бѣда"....

10) Заглавие и текст: "Подвигъ англичанъ въ Финскомъ заливѣ". — Лит. Д. Сироткина — М. Юнкласъ. — Печатать позволяетя, С. Петербургъ, 10 Июля 1855 г. Цензоръ В. Бекетовъ".

По обоимъ сторонамъ этой картинки, литографированной карикатуры (авторъ — тотъ же талантливый Юнкласъ), напечатанъ длиннейший текстъ подъ заглавиемъ: "Донесеніе Британскаго Адмирала", следующаго содержания: "Флагъ и оружіе Великобританіи озарены вновь неувѣдаемою славою! Въ исторію прибавляется еще блестящая страница!.. Послѣ продолжительнаго плаванія, означенованаго препровождаемыемъ при семъ призами, состоящими изъ Чухонскихъ лайбъ съ рыбой, масломъ, солью и дровами, мы замѣтили наконецъ сильно вооруженную крѣпость, куда подъ защитою флотской канонады и бомбардированія произведена была высадка нѣсколькихъ полковъ. Встрѣченный многочисленный непріятель бѣжалъ въ крайнемъ безпорядкѣ, оставивъ на мѣстѣ множество убитыхъ тѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ между зданиями открыты были цѣлый корпусъ арміи въ засадѣ, отъ куда коварный непріятель явно имѣлъ вѣроломное намѣреніе измѣннически отрѣзать насъ отъ берега и атаковать. Но мужественные войска наши, вдохновленные храбрыми начальниками и неустранимымиъ командиромъ, отступили во время и почти въ поряткѣ. Это блестательное обстоятельство нужно приписать отличной распорядительности командующихъ: Лорда В., Виконта С. и Милорда Л., испытавшій твердости начальниковъ. Къ сожалѣнію нѣкоторые изъ храбрѣйшихъ въ пылу отваги, при отступлѣніи понесли тяжелыя контузіи въ спину, отъ звѣрски злобнаго непріятеля, не уважившаго даже переговор-

ный нашъ флагъ, который мы употребили при отступлѣніи. Убитыми и ранеными очень немногого. — Дондасъ. — При полученіи сего извѣстія въ Лондонѣ приказано палить изъ пушекъ и звонить въ колокола. Въ ратушѣ по этому случаю былъ балъ. Вечеромъ въ городѣ была иллюминація и въ театрахъ пѣли народный гимнъ. Въ парламентѣ было особое засѣданіе и прѣнія о наградахъ отличившимся, о мѣрахъ противъ неуваженія Русскими переговорнаго флага, о блокадѣ

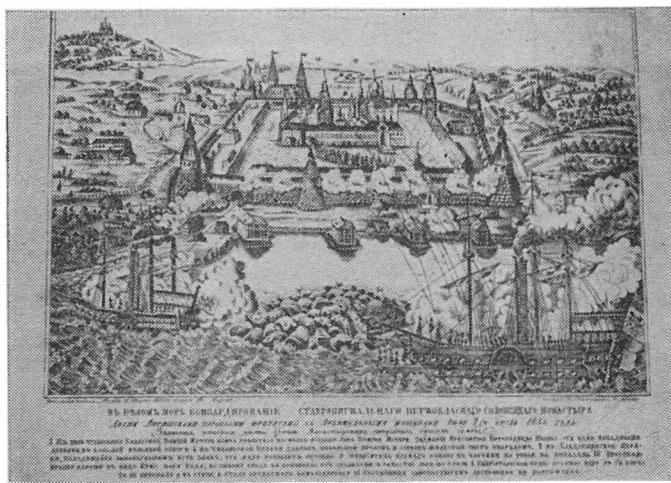
Фотография А. Т. Райнэй.

нейтральныхъ береговъ и о дополнительномъ займѣ въ 25 милл. фун. стер., который къ общему удовольствію утвержденъ огромнамъ большинствомъ. На биржѣ курсъ поднялся неимовѣрно имянно до 99 1/2 процентовъ".

Эта, весьма забавная, артистически исполненная карикатура изображаетъ придуманный художникомъ случай, олицетворяющій, раздутые Западомъ, дѣствія союзного флота на Балтийскомъ морѣ. Съ правой стороны картинки — въ облакахъ порохового дыма — видны, красиво и со знаниемъ исполненные, силуэты непріятельскихъ кораблей, сильнымъ огнемъ прикрывающіе многочисленный десантъ; слева, на берегу, стоятъ две избушки и, между ними, висятъ две Русские военные шинели, каска и бескозырка. Союзники ведутъ ожесточенный бой не съ Русскими солдатами, ихъ на картинѣ нетъ, а съ разными домашними животными; на заднемъ планѣ, подъ напоромъ высадившейся изъ лодокъ пехоты — въ панике улепетываютъ стада гусей и курицъ, во главе со свинками, а мирно проветривающіеся шинели — страстно защищаются брыкающимъся осломъ и бодающимъ козломъ... Эту карикатуру, никакъ нельзя приурочить къ какому-нибудь определенному событию, да еще въ "Финскомъ" заливе (такіе цирковые сцены бывали въ "Ботническомъ"), это юмористическая картинка высмеиваетъ дѣствія сильнѣшаго союзническаго флота въ Балтийскомъ морѣ — вообще (и что повторилось на Азовскомъ морѣ). Адмиралъ Дюндасъ, заменившій отозваннаго за "бездействіе"...

вие" адмирала Нэпира ("заревателя" Аланских островов), — главным образом, целился на Кронштадт, но его мечта осталась мечтою.

11) Заглавие и текст: "Въ Бѣломъ Морѣ бомбардированіе Ставропигиального Первокласснаго Соловецкаго Монастыря Двумя Английскими паровыми Фрѣгатами съ Архимедовыми машинами Іюля 7-го числа 1854 года

Фотография А. Т. Рейнэй.

да. Замѣчанія которыя мѣста зданіи Монастырскихъ непріятель бросалъ бомбы. 1 Въ день празднованія Казанской Божіей Матери бомба пролетѣла на сквозь повыше Лика Божіей Матери, Знаменія Пресвятой Богородицы иконы эта надъ западными дверями въ большой холодной соборѣ 4 на Никольской церкви здѣшль небольшой проломъ и сорвалъ желзный листъ спарадомъ, 7 въ Кладбищенской Церкви, находящейся замонастыремъ есть знакъ, что ядро на вылетѣ прошло. 9 Непріятель пускалъ бомбы въ часовни но онъя не попадали. 16. Пробивало крышу ядромъ и въ виду Креснаго хода, но никому вреда не причинило, всѣ сослезами и радостью шли по стѣнѣ. 6. Непріятельское судно пустило ядро въ Св. ворота но не попало а въ стѣну, и стало продолжать бомбардировку 15 Гостинница замонастыремъ деревянная ни повреждена". — "Печатать позволяя. Москва 13 Августа 1855 го. Цензоръ В. Флеровъ. Печатана въ Металографіи В. Зернова".

На этой гравированной картинке, въ обычномъ лубочномъ стилѣ, очень выразительно представлены (какъ съ птичьего полета) Соловецкій Монастырь и его окрестности, и бомбардированіе его (номера текста точно указываютъ, куда попали снаряды) английскими вооруженными пароходами "Миранда" и "Бриск" въ продолженіи целого дня 7 июля, на что монастырские батареи отвечали орудийнымъ и ружейнымъ огнемъ. Повествованія "Архангельскихъ Губернскихъ Ведомостей" и английскіе конечно не сходятся въ изложении подробностей, но обе версии подтверждаютъ, что защитники монастыря высадки не допустили и

англичане удалились, дабы поживиться въ незащищенныхъ пунктахъ Севернаго побережья (см. первую картинку).

12) Заглавие и текст: "Дѣйствіе на Очаковскомъ Мысу. 22 сентября. 4. непріятельскіе парохода приблизились къ Николаевской батареѣ, командающій отрядомъ Подполковникъ Головачевъ встретилъ калеными ядрами изъ орудій батареи, вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ огонь и флотилія изъ 5-ти канонерныхъ лодокъ подъ начальствомъ капитаномъ 2-го ранга Ендогурова. Въ дѣйствіе продолжавшееся 3 1/2 часа Благочинный Очаковской — церкви Гаврило Сутковской прибылъ на батарею благословлять Крестомъ защитниковъ подъ непріятельскими выстрелами и помогалъ заряжать орудія". — "Печат. позволяя... Москва 13 Августа 1855-го. Цензоръ Н: фонъ-Крузе. Печата. въ Металлографіи В. Зернова М. П. вѣдом. Окт. 12 дн. 1854 года".

На этомъ гравированномъ лубке, слева изображено селеніе съ каменными домами и церковью, жители стоятъ на улицѣ. По низкому морскому берегу, за каменной стенкой — расположена 5-ти орудийная стреляющая батарея, около нее, верхомъ, подполковникъ Головачевъ. Священникъ О. Г. Сутковский, съ крестомъ въ руке, другой рукой подаетъ бомбардиру ядро, справа — море и шагахъ въ 130 отъ берега стоятъ 4 непріятельскихъ стреляющихъ парохода (у одного — перебита мачта). Вдали, въ клубахъ дыма, видна Ендогуровская флотилия изъ 5, тоже стреляющихъ, лодокъ. (Ссылка на "Московскіе Поліц. Ведомости" отъ 12 октября 1854 г. доказываетъ, откуда, авторъ лубковъ черпалъ сведения). Къ сожалѣнію, я не нашелъ следовъ этого события ни въ Русской, ни въ иностранной литературѣ.

13) Заглавие и текст: "Взятие Крѣпости Карса 1855 года. — Непоколебимое мужество храбрыхъ

Фотография А. Т. Рейнэй.

Кавказскихъ Войскъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: 16-го Ноября крѣпость Карсъ сдалась Главнокомандующему Отдѣльнымъ Кавказкимъ Корпусомъ, Генералъ-Адъютанту Муравьеву. — Печ. позв. Москва 13

Генваря 1856 г. Цензоръ Н. Фонъ-Круэф. — Печ. въ Металл. А. Лаврентьевой, Москва 1856. Года.”.

Навеянные этой короткой серией лубков, невеселые воспоминания отчасти рассеиваются при виде этой гравированной картинки, с изображением торжественной сдачи Карса (“необходимый *крупный* *ко-зырь* для дипломатической игры...”) Ген-Адъютанту Н. Н. Муравьеву-Карскому, награжденному орденом Святого Георгия 2 ст. Он, во главе своего штаба, сзади справа — шеренги пехоты и кавказских стрелков при знаменах и трубачах. Перед Муравьевым — многочисленная турецкая делегация, преподносящая ему крепостные ключи. Из крепости (над которой развевается уже Русское Знамя) движется безоружная турецкая колонна, сдающая свои знамена Русским солдатам.

Владимир фон-Рихтер

Статья уже была отослана в Редакцию, когда нам посчастливилось просмотреть очень редкое, роскошное 4-томное издание, включающее текст (по нумерации Ровинского) и многие репродукции, известного московского мецената-промышленника А. В. Морозова, озаглавленное “Каталог Русских портретов” (а параллельно — немецкое заглавие следующее: «Katalog meiner Sammlung russischer Porträts in Kupferstich und Lithographie...» Leipzig, 1913).

Богатейший Морозов, напечатавший этот каталог своего замечательного собрания Русских гравированных и литографических портретов почти через 25 лет, после появления в свет 2-томного “Подробного Словаря Русских гравированных портретов” Д. А. Ровинского (СПБ, 1889), как истый коллекционер (и соревнователь), приложил, конечно, все усилия, дабы “дополнить”, “восполнить” и “исправить” Словарь своего маститого предшественника. Как часто случается — в морозовском издании не было многих листов, бывших в коллекции Ровинского (или описанных им по другим собраниям), но еще большим количеством он “перегнал” Ровинского. Здесь будет кстати отметить весьма существенную разницу между этими двумя источниками: Ровинский описал только гравированные портреты, а Морозов включил в описание и литографированные (конечно, и за 25 лет, число портретов, естественно, увеличилось).

Итак, мы обнаружили в морозовском каталоге опи-

сания трех крымских лубков, после описания которых, с несомненным удовлетворением, была поставлена пометка: “У Ровинского не описан”. Эти три лубка еще раз подтверждают наше мнение о большой редкости писанной выше серии, ибо ни одного из наших лубков и Морозову достать не удалось; оказавшиеся же в его собрании — только восполняют описываемую серию. Первый из них, кроме того, исправляет выраженное нами мнение, что все крупные личности, на которых основывалась оборона Севастополя — были на лубках упущены. Вот эти три морозовских лубка, согласно их описания:

1) *Корнилов*, Владимир Алексеевич (1806-1854); вице-адмирал, знаменитый защитник Севастополя. Народная картинка в большой лист, гравированная резцом: “Бомбардировка Севастополя”, и затем 6 строк описания большой бомбардировки в ночь с 4 на 5 октября 1854 года, когда Корнилов был смертельно ранен. Он изображен в тот момент, когда его раненого уносят с поля битвы. Цензурная пометка В. Флерова 14 февраля 1855 г. Печат. в металлограф. Еф. Яковлева (Ров. не описан).

Следующие два лубка являются только *вариантами* уже вышеописанных нами под номерами 2 и 12.

2) *Михаил Николаевич*, Великий Князь Генерал-Фельдмаршал и Наместник Кавказа с 1863 года по 1881. Родился в 1832 г. Двухлистовая народная картинка, гравированная резцом “1854-го года октября 24-го дня сражение при Севастополѣ во время большой вылазки... Их Императорскія Высочества Великія Князья Николай Николаевич и Михаиль Николаевич явили себя на полѣ битвы подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ... пубуждало всѣхъ и каждого къ исполненію священнаго долга Царю и Отечеству”. — Издание металлографии А. Лаврентьевой. Цензурная пометка 31 декабря 1854 г. (Ров. не описан). (Под именем Великого Князя Николая Николаевича Старшего почему-то этот лубок не упомянут. В. Р.).

3) *Головачев*, подполковник конной артиллерии. Большая народная картинка, гравированная резцом, изображающая его подвиг. “Отраженіе 4-хъ англо-французскихъ пароходовъ на Очаковскомъ мысѣ Чернаго моря, 22-го сентября 1854-го года” и 6 строк описания. Напечатано в металлографии Еф. Яковлева ценз. пом. 16 октября 1854 г. (Ров. не описан).

Владимир фон-Рихтер

Русский Сомюр

В 1910 году Офицерская Кавалерийская Школа праздновала свой 100-летний юбилей.

Преобразованная, в конце прошлого столетия генералом-инспектором кавалерии Великим Князем Николаем Николаевичем, она внесла единобразие в систему выездки лошадей и вместе с тем, практикуемая в Школе полевая езда, с преодолением очень серьезных препятствий, с резвыми пробегами на большие расстояния, выработали правильный взгляд на использование конского состава конницы, до этого несколько превратный. Она с гордостью могла обернуться на свою работу и вправе была отпраздновать свой юбилей торжественно. Государь Император проявил к Школе чрезвычайное внимание и оба дня празднования прошли в Высочайшем присутствии.

В первый день, 9 мая, весь состав Школы, состоящий из эскадрона Постоянного Состава, сводного офицерского эскадрона Переменного состава, взвода офицеров Казачьего отдела и сводного эскадрона Отдела наездников, в конном строю, отправился в Царское Село, где произведен был Высочайший смотр и прибытия нового штандарта.

Эскадрон переменного состава, в рядах которого находились офицеры различных гвардейских и армейских кавалерийских полков и конных батарей, в красивых формах, на отлично выезженных, высококровных лошадях, имея на правом фланге, в колете Л. Гв. Конного полка, Вел. Кн. Дмитрия Павловича, выглядел нарядно, а когда этот эскадрон проходил коротким галопом перед Царем, при чем все лошади, как одна, галопом с правой ноги, невольно в память вставала конница Императора Николая I на курцгалопе с быстротой движения, равной шагу гренадера.

Второй день празднества проходил в Петербурге, в манеже Школы. Торжество началось со сменной езды инструкторов, при чем вся смена, как и отдельные ездоки, показывала выездку лошадей на высшую школу. Следующие смены — переменного состава поражали необыкновенной стройностью эволюций и чистотой прыжков через барьеры. Отлично прошла езда смены наездников (инженерных чинов, учеников школы), вольтижировка, джигитовка Казачьего отдела.

В программу вошли два номера, особенно заинтересовавшие гостей: красиво, на широком аллюре, развернулись две конных группы, по 12-ти офицеров в каждой, с надетыми на головы фехтовальными масками, на них разевались султаны, в одной группе белые, в противоположной — красные, всадники рипулись друг на друга, сверкая эспадронами, стараясь сбить султаны белые у красных и наоборот. Долго продолжался финальный бой, хотя на одной стороне остался один, а его преследовали трое.

По окончании этого боя, в манеж влетела резвым галопом лошадь, в седле которой посажено было чучело, а ее атаковали всадники офицеры, один с пикой, другой с обнаженной шашкой, они стремились

нанести удар, чтобы свалить чучело. Симпатии всех оказались на стороне свободно скачущей лошади, которая с удивительной находчивостью увертывалась от всадников, пока они ее не прижали в угол манежа и там пикой был нанесен сокрушающий удар по чучелу.

Приблизительно по такому же расписанию, ежегодно устраивался конный праздник в конце зимнего сезона, но в данном случае присутствие Государя прибавило воодушевление всем участникам. Государь пробыл до конца и только тогда, когда выехала в манеж парфорсная охота: дрессированная стая гончих, окруженных доезжачими в красных камзолах, Государь поднялся с кресла и, поблагодарив всех, направился к выходу, сопровождаемый криками "ура".

Будничная работа офицеров Переменного состава заключалась в езде и выездке, на младшем курсе трех, а на старшем четырех лошадей, затем фехтование, вольтижировка. Слушали лекции по истории конницы, тактике, артиллерии, подрывному делу, а также по конским наукам: теории верховой езды, иппологии, ковке.

Зимний сезон сменялся выходом в Красное Село в лагерь. Короткий курс топографических съемок, а в остальное время полевая езда по пересеченной местности, преодоление серьезных полевых препятствий, а на кругу, близь расположения Школы, возведенных по особому плану препятствий, спуски с крутизны, все это являлось подготовкой к парфорсным охотам, завершающим курс и на младшем классе, и при окончании Школы.

Много представлялось удобных случаев "закопать репу", что, по кавалерийской терминологии, означает падение с коня или с конем вместе. Падения регистрировались самими школьниками и облагались штрафом в размере рубля за падение. На средства "репного капитала", по окончании Школы, приобретались серебряные чарки, на одной стороне которой гравировались чин и фамилия, на другой рисунок репы, затем, дробь, в числите количества падений владельца чарки, а в знаменателе — общее количество падений курса за два года, какое иногда превышало цифру 300, т. к. избежать паденья вместе с лошадью почти никому не удавалось. Падение с лошади нередко случалось в первичной стадии подъездки молодых еще совсем сырых лошадей, особенно астраханских дикарей (калмыцкой породы), кои, чтобы избавиться от всадника, проделывают курбеты, не хуже ковбойских мустангов — эти падения даже не регистрировались. Главный доход "репных капиталов" получался в лагерях и во время парфорсных охот в Поставах Виленской Губ., куда переезжала Школа, сначала младший курс на три недели, потом старший на шесть, — те и другие со своими собственными и казенными лошадьми.

"Поставы" — большое имение гр. Пшедецких, на обширных полях которого происходили парфорсные охоты.

Дом, где мы жили, почему-то называли замком, хотя по архитектуре он такового не напоминал. В некотором удалении от него построены были казармы, конюшни, загоны для гончих и зверинец.

С собаками шла серьезная работа по дрессировке их под руководством англичанина мистера Футтэр, в помощь ему назначались солдаты, коих называли "Футтэрами".

Любопытно понаблюдать кормление гончих. Г. Футтэр вызывал из стаи по одной, она послушно выскакивала, прыгала через барьеры и подбегала к кормушке. Выедала свою порцию, после чего вытирали ей губы. Реже г. Футтэр вызывал две, три собаки. Остальные терпеливо выжидали своей очереди.

Зверя тренировали на огороженном плацу.

Парфорсная охота-травля зверя до его изнеможения к нам пришла из Англии, и, если имела распространение в Западной Европе, то в России она не культивировалась.

Но помимо охоты по зверю, которая и является настоящей парфорсной охотой, в Школе, с учебной целью, устраивались охоты по искусственноному следу, проведенному известным способом, обманывающим собаку, по заранее намеченному маршруту. Кроме естественных препятствий, на пути охоты, возводили разнообразные, полевого характера, препятствия, кои охотники должны были преодолевать. Комбинация этих препятствий в каждой охоте менялась.

Соблюдался установленный церемониал, побудка производилась по сигналу "Cors de chasse", назовем их охотничими волторнами (без клапанов). Четыре волторниста играли отрывок красивого мотива из "Волшебного стрелка".

После утреннего завтрака мы все выходили из замка во двор, где нас поджидали поседланные лошади. Вестовой начальника охоты генерала Химец волил знаменитую "Примадонну", подарок Сомирской Кавалерийской Школы, тут же стая гончих и, в своих красных камзолах, г. Футтэр и его помощники. Начальник охоты выходит. "Г. г. офицеры", и, после этого, мы садимся на коней и, в погожий осенний день, груша всадников, предшествуемая собачьей стаей, двигалась за начальником охоты, к определенному, заранее назначенному пункту.

Среди нас и кандидаты на должность Командира Кавалерийского полка — для них это испытание физической пригодности. Может быть им совсем не весело участвовать в несколько рискованном спорте, принимая во внимание, что возраст армейских полковников нередко превышал 50, но, что касается нас, то эти охоты доставляли нам незабываемое удовольствие. "Земное счастье на спине у лошади", питировал П. Н. Краснов, сам тоже с нами в Поставах.

Междуд прочим, некоторые полковники впали в мрачное настроение, одному мотив "Волшебного Стрелка" показался похожим на похоронный марш. Другой попытку мою сострить принял чрезвычайно рогато. Дело в том, что по искусственноному следу было несколько направлений, изученных нами еще на младшем курсе; перед одной такой охотой я поните-

реловался, в каком направлении будет сегодняшняя охота. Начальник курса ответил: по террасам. Охота трудная "прыжки вниз" — это и есть террасы, кочковатое болото, перелески... и довольно громко продекламировал:

"Много рыцарей прекрасных
Будет сорошено с коня..."

Ближайший ко мне полковник обернулся на меня и что-то неодобрительно пробормотал.

Как и нужно было ожидать, наши потери в этой охоте оказались значительными. Не успела еще охота двинуться вперед по команде Начальника охоты "напускай", как один незадачливый полковник опередил коня на прыжке вниз. Не обошлось и без курьезов, но все это послужило только предметом для шуток и темой для стихов, сочиненных П. Н. Красновым.

После нескольких охот, два полковника отчисились, решив ограничиться кандидатурой на должность воинских начальников.

Трудно было найти местность более поучительную для охоты: холмистая, с пахотными полосами по скатам холмов, образующих те террасы, о которых я говорил, тоже и кочковатое болото, перелески, озера, целые площади срубленного леса, ограды, дренажные каналы, валы с канавой, обрамляющие дороги, крутые спуски...

Со всеми этими "неприятностями" приходилось встречаться во время охоты по зверю, который самостоятельно выбирает направление, когда он несется, спасаясь от преследующих его гончих. Вот извлечения из журнала охоты:

Матерой зверь, выслеженный собаками и выгнанный из леса, хотел спасти шкуру, устремившись в рощу, бывшую в 2-х — 2-х с половиной верстах от леса, вел охоту очень резвым пейсом, но собаки не дали ему спрятаться в рощу и выгнали его на открытую местность, представлявшую собой срубленный лес, заставив охотников или лавировать между пнями или прыгать через них. Добежав до озера, зверь кинулся вплавь, за ним собаки, охотники искали борода. Вода в озере, в борде, достигала коленей всадников. Охота кончилась в 16 верстах от начального пункта. (Редакцию я конечно не мог запомнить буквально).

Прочтя эту запись, ротмистр старого времени наверно найдет ее "жюльверноватой".

Вообще говоря, во время охоты по зверю нужно соблюдать правило: холодно горячиться. С одной стороны необходимо разбираться во время поисков зверя собаками в собачьих переговорах, выжидать, не носиться бесцельно за собаками, не топтать собак, что считается "уголовным преступлением", также, как засыпать след. Неумелые охотники могли совершенно испортить охоту, так приключилось однажды, до 7 ч. вечера продолжалась охота и зверя упустили: собаки то находили его следы, то теряли.

С другой стороны требуется зорко следить, чтобы не пропустить момента, когда собаки нагнали зверя

в "зрячую" и скакать, наметив кратчайшее направление или наперерез, или вслед гону, вот тут - то встречаются неожиданно препятствия и, если вы превеличиваете спокойность вашей лошади, то неминуемо ляжете с ней костыми на радость нашего присяжного фотографа шт.-ротм. Далматова — он всегда оказывался там, где случались "интересные" падения. Их попадало на пленку немало, когда охотники входили в азарт.

Собаки сильно переживали охоту, одна старательно собака, при гоне в "зрячую" погибла от разрыва сердца.

В конце концов, зверь загнан, со всех сторон подскакивают участники охоты. Начальник охоты, выждав минуты две-три, громко возглашает "Ала-ли", и те, кто прибыли к месту конца охоты, к этому времени, получают сосновую ветку с пуговицей — знак выполнения охоты. Прибывший первым считается "королем охоты".

По возвращении с охоты, "король" приветствует всех випом, ходит в круговую кубок, изображающий голову оленя, и иной раз бывало по поговорке: "день службы Царская, а ночь гусарская".

Королевская эмблема — часть ноги загнанного зверя. Такой "варварский" обычай ведется издавна.

Возвращение с охоты всегда веселое, идут обсуждения перепетий охоты, иногда, может быть подперченные фантазией.

Случались и неудачные охоты, об одной я уже упомянул. Другая: зверь не пожелал обратиться в бегство, а намеревался посадить собак на рога, собаки облепили его и охота кончилась, не начавшись.

Воспитательное значение этого барского спорта признано было столицей полезным для конницы, что, начиная с 1910 года, ежегодно, осенью, генерала Химец командировали в место расположения кавалерийских дивизий. К нам в 4-ю кавалерийскую дивизию, в 1913 году прибыли ген. Химец, адъютант Школы бар. Таубе, комендант Постав, ротмистр Воликовский, г-н Футтэр с собаками и один обреченный зверь. Во время охоты на зверя неопытность ездоков обнаружилась большим числом падений (до 20 процентов) участников.

Продолжая свое повествование о потонувшем мире, возвращаюсь вновь в Поставы.

В Поставах, в промежутке между охотами производилась проездка лошадей, затем досуг наш заполнялся разными спортивными развлечениями и конкурсом игры на биллиарде. Для конкур-и-шник, построили головоломные препятствия. Устраивалось спортивное состязание "Course aux cloches", состязание, собственно говоря, интересное для флиртующих пар, кои сознательно не желают понять, откуда раздается звон колокола, куда, по условиям состязания, они должны стремиться, но у нас в школе, при отсутствии дамского элемента, желание прискакать первым, в

райности вторым, к месту "колокольни", вызывало соревнование. Моим дополнительным развлечением послужили поездки к знакомому помещику потравить зайчиков. Ездил я вместе с кн. К. А. Тумановым, полковником Нижегородского драг. полка и наш выезд назывался "автомобиль Его Сиятельства". На фотографии крестьянская фурманка, запряженная лохматой лошаденкой, сидим кн. Туманов и я, на козлах унылый литовец. Другая фотография: та же фурманка без пассажиров, возница держит под узды своего искуганного коня, а через повозку прыгает всадник, пример "прыжкомании"; заразились от Пинерольской Кавалерийской Школы в Италии, которой наши школьники не хотели уступить в смелости и искусстве. Итальянцы нам прислали увеличенную фотографию, сидящих вокруг длинного стола офицеров, на столе бутылки, стаканы. Прыгает через стол, в том месте, где стол никем и ничем не занят, итальянский офицер, сидя на очень нарядном коне.

Решено ответить им тем же, но с того места стола, через который прыгает наш всадник, на гунтере, не убрали бутылок и бокалов. Снят чистый прыжок, не опрокинуто ни одной бутылки, ни одного бокала.

Одно время происходил оживленный обмен снимками. Состязались и в спуске с крутизны, но тут прибегали к трюкам, мастерству фотографа. Всадник лежит спиной на крупе лошади совсем отдавши повод, лошадь на подобранных задних ногах, как на салазках, съезжает с крутизны, поддерживая равновесие передними ногами. Это все, что полагается, но на фотографии получается впечатление, будто лошадь сползает по отвесной стене.

Итальянская школа широко рекламировалась на экране, но фотографии из жизни нашей школы находили место лишь в частных альбомах, по причине общей неосведомленности, и могла появиться в русской газете, правда уже в эмиграции, статья, в которой приписывалось Жоржу Клемансу, любителю верховой езды, авторство книги о верховой езде, будто изданной под псевдонимом Джемс Филис. Если бы бойкий репортер перелистал страницы этой книги, которая в действительности существовала, то сразу бы наткнулся на портрет автора книги Джемса Филиса, снятого верхом на коне "в движении", или "галоп назад", или "испанский шаг".

Джемс Филис — главный инструктор Школы и его система выездки лошади принята во всей Русской коннице.

Эта система была известна и в спортивных кругах Франции, а ее практическим пропагандистом до сих пор является ген. А. А. Губин. Мы — его ученики в Школе почитали его как прекрасного ездока, знатока лошади и инструктора высшей марки, и нисколько не удивлялись его блестящей карьере во Франции, в этой области.

A. Левицкий

Царский смотр

29 октября 1904 года, в 5 часов утра, полк покинул свои уютные и теплые казармы и вышел в темноту и густой туман, следя из Двинска, через пехотный лагерь, на девятый участок, большое ровное поле за пехотным лагерем, где полки 25-й дивизии, будучи в лагере, производили полковые и батальонные занятия, где предстоял Царский смотр.

Уже было почти светло, когда по разным дорогам полки 25-й пехотной дивизии подходили к 9-му участку, который быстро покрывался стройными квадратами батальонов. Дивизия вытянулась для Высочайшего парада в одну линию, фронтом к реке Западной Двине, имея на правом фланге Лифляндцев, левее которых стали Юрьевцы, Ивангородцы, Островцы, 25-я артиллерийская бригада, обозы, полевые госпиталя, словом все, что уходило на войну из Двинска.

Из свинцового, мрачного неба моросил осенний мелкий дождик.

С трех сторон 9-го участка, по опушке леса, стояла густая, темная и широкая полоса народа, который пришел из Двинска и окрестных деревень посмотреть на своего Государя и как Он прощается со своими войсками, которые отбывают на войну.

Ровно по расписанию, к десяти часам утра, тромкое ура со стороны лагеря оповестило о приезде Царя, который подъехал к полю в открытой коляске.

Когда Государь сел верхом на коня и стал подъезжать к параду, то начальник дивизии, привстав на стременах и, подняв обнаженную шашку над головой, зычным своим голосом скомандовал:

— Дивизия смиро! По полкам слушай на кра-ул!
— плавно поскакал навстречу Государю.

И словно повинуясь просьбе, легкий и прохладный ветерок разорвал темные тучи и озарило парад ясное солнышко, лучи которого заиграли на стали клинов и штыков.

После команды командира полка: “шай на... кра... ул!” — полк дрогнул, в два приема, повернув головы в сторону Государя.

Знамя склонилось.

На правом фланге полка полились дивные и могучие звуки гимна “Боже Царя храни”.

На темно-гнедом и спокойном коне, в скромной стрелковой форме, Государь медленно подъехал к полку, сопровождаемый блестящей свитой. Государь поздоровался с полком, негромко сказав:

— Здравствуйте Лифляндцы!

Дружный ответ и могучее ура разнеслось по полю и эхом ударились о темный лес за Двиной.

После объезда нашего полка, Государя встречали Юрьевцы, Ивангородцы, Островцы, Артиллеристы и остальные части дивизии.

Объехав фронт, Государь остановился перед полком. По команде командира полка, полк снял папахи и стал на колени.

Государь не торопясь снял белую перчатку с пра-

вой руки, потом снял стрелковую фуражку, которую прижал левым локтем к эфесу шашки и принял от дежурного флигель-адъютанта золотой “Нерукотворенный образ Спасителя”, благословил полк на далекий поход и на боевую службу.

Когда 1-й и 2-й батальоны повернулись фронтом к 3-му и 4-му батальонам, Государь, проезжая между батальонами, спокойным голосом сказал:

— Помогите России и мне, — произошло что-то невероятное.

Вслед за Государем двинулись Лифляндцы, стройность шеренг нарушилась, папахи полетели вверх, ура неслось по полю и только резкий сигнал к церемониальному маршу возобновил порядок и тишину.

Полк, перестроившись, подходил к линии жолнеров. По команде “прямо”, я правым локтем оторвался от линейного и не замечая своего шага, как бы на крыльях, легко проходил мимо Того, Кто посыпал нас на войну, Кто ждал от нас верной службы и Кто печалился за нас.

Впиваясь в Него глазами, я ясно видел, как Государь поднял правую руку, в белой перчатке, к козырьку фуражки с малиновым кантом, и как крупные слезы падали на пальто стального цвета.

Царское спасибо слабо долетело до меня, заглушенное староегерским маршем.

Когда полки стояли по своим местам, Государь пересел в коляску и под громкий крик “ура” войск и народа покинул девятый участок.

После обеда и отдыха, полк возвращался в казармы. Роты песен не пели. Каждый из нас остро переживал сегодняшний Царев парад.

И нередко в далекой и неприветливой Манчжурии, по землянкам на сопках, старые Лифляндцы баяли молодым о том, как Царь завещал послужить России и Ему.

К. Лейман

От Издательства „Военная Быль“

Ввиду общего повышения цен и крайне затруднительного материального положения издания журналов «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» и «ВЕСТНИК», Издательство очень просит всех подписчиков, не внесших еще своей подписной платы за 1958 год, озаботиться внесением таковой, незамедлительно. Наших Представителей, не расчитавшихся с Издательством за много номеров, убедительно просим повториться с этим расчетом.

Воспоминания участника в боях под Ахалцыхом

К концу июля месяца 1828 года, перед Русским действующим корпусом выдвигалась обстоятельствами трудная задача, от решения которой зависела вся дальнейшая судьба войны.

Позади был уже ряд совершенных подвигов: перед могуществом войск склонился неприступный Карс, пали крепости Ахалкалаки и Хортвис; но впереди лежало неизвестное будущее, там, вдали, стоял грозный Ахалцых, исконное гнездо разбойничего племени.

Как ни испытано было мужество кавказских войск, как ни был поднят дух их предшествовавшими, славными делами, но покорение Ахалцыха едва ли не превышало силы малочисленного, восьмитысячного Русского корпуса; по крайней мере оно обещало ему чрезмерные трудности.

Ахалцых, по-турецки "Ахизка", т. е. сильная крепость, стоя на высоком утесистом берегу Ахалцыхчая, сам по себе был почти неприступен. Кроме того, он был окружена страной, населенной народностями чрезвычайно воинственными. Карапапахи, лазы, курды, туркмены, жившие здесь, были бесстрашными сорванными воинами, привыкшими жить грабежами и разбоями.

По системе, принятой турецким правительством, мусульмане ахалцыхской провинции освобождались от всех податей, но зато были обязаны иметь исправное вооружение и, по первому требованию, являться в поле. Христиане и евреи не участвовали в этих народных ополчениях; они отбывали подать за всех и сверх того платили по червонцу с души, на содержание войска. Таким образом, Ахалцыхский пашалык резко отличался от соседнего с ним пашалыка Карского, где мирное население или вовсе не принимало участия, или принимало только пассивное участие в обороне родины.

Турки, с самого начала, увидели выгоду иметь на самой границе такое крепкое гнездо предприимчивых и храбрых людей, и старались, всеми мерами, поддерживать здесь прилив воинственного населения. Сюда и бежало все, что не хотело подчиниться Русским порядкам, что искало спасения от кары закона. Отсюда также высыпались беспрестанно мусульманские проповедники, возбуждавшие мятеж среди подвластного России татарского населения и служившие сильнейшим тормозом к утверждению Русского владычества над Кавказом. Но зато буйные обитатели Ахалцыхского пашалыка знали себе цену и ни во что не ставили турецкое правительство. Султаны оставили его в покое, довольствуясь добровольным подчинением себе грозного Ахалцыха. Зато и Ахалцых служил твердым оплотом малоазиатских провинций.

С этими-то воинственными племенами Паскевичу и предстояла теперь кровавая борьба.

Правда, из пяти крепостей в пашалыке — две, Ахалкалаки и Хортвис, уже находились в русских руках, но оставались непокоренными еще три: Апхур,

закрывавший вход в Боржомское ущелье; Ардаган, на пути к Арзеруму и, наконец, самый Ахалцых, гордо хранивший память о том, как за 19 лет перед сим он устоял перед напором русской силы, когда подходил к нему сам Тормасов. Событие это утвердило Ахалцых в мысли, что он никому, кроме самого себя, покоряться не будет. Ряд поражений, понесенных турецкими войсками в последнее время, не заставили его серьезно взглянуть на предстоящую ему борьбу; напротив, падение Карса, Ахалкалаки и Хортвиса только подняло его гордость и породило презрение к побежденным. В порыве первой ярости жители выгнали своего правителя, военное дарование которого возбуждало сомнение, и послали сказать Киос-Магомет-паше, спешившему к ним на помощь:

— В наших стенах более десяти тысяч храбрых воинов-защитников и потому не нуждаемся в помощи твоих воинов, которых трудно будет продовольствовать, сами выдержим все усилия русских.

И Ахалцых, уверенный в самом себе, спокойно выжидал прибытие русских войск, которые уже двигались к крепости.

От Ахалкалак к Ахалцыху вели две дороги: одна, окружная в 160 верст, удобная для колес и изобильная пастбищами, шла на Ардаган; другая, кратчайшая, имела всего верст 60, но зато проходила через высокий лесистый хребет Цихеджваро, по таким местам, где до сих пор не только не проезжало ни одной арбы, но и выючная езда считалась неудобной. Несмотря, однако, на все неудобства и трудности упомянутой дороги, Паскевич избрал именно этот последний путь, так как кратчайшее расстояние давало ему возможность предупредить армию Киос-Магомета под Ахалцыхом и взять крепость ранее прибытия к ней турецких подкреплений; между тем, двигаясь по дороге через Ардаган, он безусловно должен был столкнуться с этой армией, и тогда движение к Ахалцыху могло бы быть гарантировано только при условии полного поражения Киос-Магомет-паши. В виду таких соображений, поход на Цихеджваро был решен окончательно и русский корпус выступил из под Ахалкалак 2-го августа.

Но едва войска сделали один переход, и Цихеджварские горы приняли их в свои грозные каменные объятия, как предусмотрительность Паскевича начала оправдываться: получены были известия, что Киос-Магомет-паша, спустившись с Саганлугских гор и оставив Карс в стороне, спешно идет к Ардагану с тем, чтобы предупредить Паскевича под Ахалцыхом. Известия эти шли от карапапахов. Паскевич тотчас отправил к ним прокламацию, приглашая весь карапапахский народ вступить в русское подданство. Карапапахи ответили, что охотно приняли бы такое предложение, если бы не угрожало им прибытие турецких войск, которые идут в числе 30 тысяч человек при 15 срудиях.

Известие о Киос-паше чрезвычайно усложнило по-

ложение русского корпуса и вновь выдвинуло на сцену вопрос о выборе дороги.

Явилось опасение, что турки, заняв Ардаган, вышлют особый отряд преградить прямую горную дорогу к Ахалцыху, а в этом случае малочисленный русский корпус, застигнутый со своими тяжелыми обозами посреди утесистых гор и лесных дефиле, рисковал очутиться в самом невыгодном положении.

Естественно поэтому было подумать, не идти ли сначала на Ардаган, чтобы разбить турок в полевом сражении и отбросить их к Карсу, за твердое положение которого можно было ручаться.

С другой стороны, возникали подозрения в верности самих известий: карапахам не трудно было выдумать их, чтобы найти благовидный предлог избегнуть русской зависимости. А в этом случае, идя на Ардаган, Паскевич бесполезно терял драгоценное время и, действительно, мог дать туркам возможность подоспеть на помощь к Ахалцыху. Колебание, однако, продолжалось недолго.

При невозможности послать к Ардагану сильные кавалерийские партии, Паскевич решил отправить ночью, для проверки известий, переводчика капитана Шемир-Беглярова, а корпусу приказал идти напрямик через горы.

Хребет Цихеджваро поистине один из самых недоступных отрогов Малого Кавказа. Таких гор нет ни в Армении, ни в Грузии.

Там, не исключая заоблачного Безобдала, существуют хотя какие-нибудь арбяные дороги, а здесь не было даже выюных.

Чтобы отважиться на такой поход, нужно было иметь, действительно, глубокую веру в мощную натуру кавказского солдата.

И в военной истории немного найдется примеров, где бы усилия человека, до такой степени, торжествовали над препятствиями, воздвигаемыми ему природой. Без путей и дорог прошла русская армия через высокие горы, где ходили лишь тучи, да гуляли вольные ветры, и через дремучие, веками нетронутые, леса, где каждый шаг добывался тяжелыми усилиями.

Целая гренадерская бригада, вместе с пионерным батальоном, высланная вперед, прямо из Хортвиса, два дня разрабатывала лесную тропу, то лепившуюся по крутым скатам над страшными безднами, то спускавшуюся в такие трущобы, откуда, казалось, не было выхода. По этой то, прорубленной войсками, дороге, среди густого леса, тянулась в гору осадная артиллерия и скрипели арбы ее тяжелого и длинного парка.

К каждому орудию пришлось назначать по 200 человек рабочих, даже легкие повозки и те тащили на канатах или же подвязывали к их колесам огромные сосовые деревья, которые, волочась по земле, служили тормозами и сдерживали их при спусках. По словам одного очевидца, при одном крутом повороте, на спуске, 24-фунтовая пушка, вырвавшись из сильных рук 120 гренадер и опрокинувшись, свою страшную тяжестью исковеркала железные дороги, на кото-

рых лежала, раздавила дышловых лошадей и, покатившись вниз, вырвала с корнями две вековых сосны. Испытанная выносливость кавказского солдата не раз подвергалась здесь тяжким испытаниям, но она все превозмогла и вышла победительницей из борьбы с самой природой. Довольно сказать, что по этой ужасной дороге, войска в три дня, без раздыха, прошли более 60 верст, и 3-го августа, в лучах уже заходившего солнца, перед ними открылся Ахалцых, подобный орлиному гнезду, висевшему на неприступных утесах.

Авангард, спустившись с гор, стал на правом берегу Куры. За ним постепенно подходили остальные войска.

Невесело, кровавой полосой, захватывавшей собою пол-горизонта, спускалось солнце за угромые вершины окрестных гор.

Вокруг русского стана запылали костры из сухого кустарника и срубленных смолистых сосен, и скоро под ними, черными облаками, закрутился дым. Утомленные солдаты, в ожидании ужина, дремали; не слышно было ни песен, ни музыки; и только с глухим рокотаньем, будившим сонное эхо, падали горные ручьи на дно глубоких оврагов, да на вершинах гор, тихо качаясь, шумел сосновый, вековечный лес; а из-за леса плавно поднималась молодая луна и кидала робкий свет на тихий сон Кавказского корпуса.

Во всю эту ночь, тяжести тянулись еще через горы. Последний обоз и арьергард переправились только под самое утро и нашли русский корпус, уже стоявший лагерем на берегу Куры, в шести верстах от Ахалцыха.

Только здесь явился, наконец, из своей опасной поездки капитан Бегляров; он категорически объяснил Паскевичу, что на помощь карапахов рассчитывать невозможно, что Киос-паша уже прошел Ардаган и сегодня, т. е. 4-го августа, должен быть в Ахалцыхе. Отдаленные залпы крепостных орудий не замедлили подтвердить это известие. Было ясно, что турки предупредили русский корпус, что силы и средства их утвердились против тех, которые надеялся найти в Ахалцыхе Паскевич, и что теперь придется иметь дело уже не с одним гарнизоном.

Положение русских было тем опаснее, что ожидаемые подкрепления еще не пришли, и под Ахалцыхом стояло не больше восьми тысяч штыков; эти штыки были ермоловского закала, вернувшиеся из Персии, испробованные в Карсе, но все же их было слишком мало против сорока тысяч отважных людей, прикрытых грозной крепостью. Правда, из Грузии через Боржомское ущелье форсированным маршем уже двигались, на соединение с Паскевичем, шесть рот Херсонского гренадерского полка и полк донских казаков с четырьмя орудиями, но эти силы прибавили бы к корпусу всего 1.800 человек, да и прибыть они могли не ранее 7-го августа.

К полудню, гул пушечных выстрелов, которыми крепость, вероятно, встречала прибывших пашей, смолк. Но в сумерках поднялась сильная ружейная перестрелка за Курую — турки напали на русских

фуражиров. Малочисленное прикрытие во-время, однако, заметило врагов и приняло их огнем и штыком. Чтобы ночью не повторилось тревоги, батальон егерей, под командою подполковника Миклашевского, переправлен был за Куру и на одной из высот заложил редут. Предосторожность оказалась далеко не лишней, и редут пригодился на следующее утро.

Наступило 5-е августа. Солнце застало Паскевича на высокой горе, откуда он долго и внимательно рассматривал в зрительную трубу окрестности Ахалцыха. Оставаться на позиции, не имевшей даже достаточного количества пастбищ, казалось еще опаснее, чем идти вперед, и Паскевич решился подвинуться к городу, чтобы, по крайней мере, иметь за собою большее пространство для фуражировок. Оставил на прежнем месте вагенбург, под прикрытием 42-го егерского полка с 12-ю орудиями, он приказал остальным полкам переправляться на левый берег Куры. Переправа началась в 10 часов утра; быстрая вода подхолила солдатам под мышки, и тем не менее, под прикрытием поставленного на том берегу редута Миклашевского, войска перешли через реку в стройном порядке.

Неприятель, попытавшийся помешать переправе, попал под пушечные выстрелы с редута и, отодвинувшись к городу, расположился на высотах, по обе стороны Ахалцых-чая. Русские войска также остановились. Был полдень, солнце палило невыносимо; солдаты составили ружья в козлы и отдыхали под прикрытием густой завесы стрелков. Конные толпы турок держко наездничали перед русской цепью, но стрелкам не велено было завязывать боя.

Между тем, осматривая окрестность, Паскевич остановил внимание на высоком холме Таушан-тала, который командовал крепостью. Туда и назначено было вести главную атаку.

— Если нам удастся овладеть этой высотой, — сказал Паскевич окружающим его генералам, — то лагерь наш будет вполне обеспечен.

В четыре часа пополудни, когда жара спала, колонны стали в ружье и, с барабанным боем, двинулись вперед. 16 батарейных орудий рысью выехали на высоту и открыли учавленный огонь по турецким батальонам, стоявшим в поле. Турки отступили; часть их потянулась в крепость, другая на противоположный берег Ахалцых-чая. Пока русская кавалерия с конной артиллерией преследовала отступающих, пехота беспрепятственно заняла Таушан-тапу, лежавшую на пушечный выстрел от крепости, и Паскевич тотчас приказал заложить на вершине ее редут, чтобы прочно удержать за собою эту возвышенную позицию. Позади этого холма, на левом же берегу Ахалцых-чая, в двух с половиной верстах против восточного фаса города, решено было поставить лагерь, и вагенбургу послано приказание следовать туда же.

Прикрытый со стороны Ахалцыха сильным редутом, на высоте Таушан-тапа, русский лагерь не был, однако, обеспечен с левого фланга. Местность противоположного правого берега Ахалцых-чая, изрытая оврагами, позволяла туркам делать засады и неза-

метно подкрадываться почти к самым налакам. Чтобы избежать этого серьезного неудобства, Паскевич выдвинул на правый берег батальон егерей с подполковником Миклашевским, приказав ему заложить новый редут так, чтобы преградить дороги, выходящие из гор со стороны небольшой подгорной деревни Марда.

На правый берег отправлен был и сводный кавалерийский полк, из дивизиона драгун и дивизиона улан, под общей командой полковника Раевского.

Было шесть часов вечера. Неприятельская конница держалась на высотах, примыкающих к городским налисадам, и пряталась в оврагах. Но едва переправа и движение русских обозов к новому лагерю обозначились ясно, как вся масса этой конницы тронулась вперед, по обе стороны Ахалцых-чая, и вдруг понеслась в карьер, стараясь с двух сторон прорваться к вагенбургу.

Четыре тысячи турок обрушились на правый фланг русской позиции, где стояла батарея, под прикрытием Эриванского полка.

Встреченные картечью и беглым огнем двух батальонов, они круто повернули влево, чтобы проскочить лощиной, и наткнулись на батальон Грузинского полка, стоявший также с батареей на самой оконечности правого фланга. Два казачьих полка и татарская конница насыли на бегущих и взяли знамя.

На левом фланге, за рекой Ахалцых-чаем, шло, между тем, также жаркое дело. Едва егеря Миклашевского приступили к работам редута, как должны были сомкнуться в каре, чтобы отбить атаку несущейся па них кавалерии. Батальон устоял, но одна атака сменялась другой и, в конце концов, егеря рисковали быть раздавленными, если бы не помогла удачная стрельба четырех орудий, бывших под командою гвардейской артиллерии поручика Чернвецкого.

А тут вскоре подоспел на помощь и батальон Эриванского полка, бегом направленный Паскевичем с правого фланга.

Заметив его приближение, неприятель отхлынул от егерей, и теперь всей массой обрушился на подходившие сюда же эскадроны Раевского. Заязжалось жаркое кавалерийское дело.

Отправленный с места еще при самом начале боя, Раевский взял направление как раз во фланг неприятеля. Однако, неровная местность, овраги, крутые подъемы и спуски замедлили несколько движение конницы, и едва головные части ее стали вытягиваться из глубокого, длинного оврага, на высоты левого берега, как турки понеслись к ней навстречу. Раевский с своей стороны подал сигнал, и первая линия пошла в атаку. Командир сводного уланского полка, Анреп, сам вел Серпуховский эскадрон и врезался в густые толпы неприятеля.

Весь левый фланг турок был отрохинут и прогнан к Ахалцыху. Занятые горячим преследованием, уланы не могли видеть, что делалось позади их, а там совершилась кровавая катастрофа.

4-й эскадрон Нижегородского полка, покоман-

дой майора Казасси, бросившись вперед одновременно с уланами, снял правое крыло неприятеля, но увлеченный погоней, занесся слишком далеко и был окружен тысячными толпами турок. Храброму эскадрону приходилось рассчитываться за свое увлечение. Видя, что в конном строю устоять невозможно, драгуны, не теряя мужества, спешились, сомкнулись в кружок и несколько минут держались в таком положении. Но ряды быстро редели, убитые кони расстраивали круг, оборона слабела, и эскадрон, держа в поводу лошадей, медленно стал отодвигаться назад, теснимый толпами неприятеля.

Только одна минута колебания и гибель стала бы неизбежной. Но колебания не было. Бегом подоспел сюда батальон Миклашевского, во весь опор, прискасал из 2-й линии 3-й эскадрон Нижегородского полка с подполковником Андронниковым и картина боя мгновенно изменилась. Освобожденный от натиска, эскадрон Казасси быстро сел на коней и оба эскадрона разом ринулись на массу конных турок.

Не долож, но упорен был бой. Все перемешалось в одну общую кучу. Не было счету геройским подвигам одиночных драгун, с редким самоотвержением выручавших друг друга в этой неравной сече. Прапорщики Петренко и князь Чавчавадзе (Язон) пробились до самых знамен, увлекая за собой эскадроны. Лошадь под Чавчавадзе изранена, переменить ее было некогда и он рубится на ослабевшем, покрытом кровью коне, рискуя ежеминутно, что не выдержит добрый карабахский конь и рухнет вместе со всадником наземь, под конские копыта...

Вот толпа конных турок навалилась на прапорщика Буткевича. Издали видно только, как, сверкая на солнце, поднимаются и опускаются вражеские сабли. Рядовой Макаров (из разжалованных) бросается к нему на помощь; он уложил двух-трех турок, но не спас своего офицера, и вынес только изрубленное тело его.

В другом месте, какой-то отчаянный турецкий наездник, врезавшийся в ряды эскадрона, крушит все, что попадет ему под руку; он уже изрубил двух драгун и наехал на третьего, как прапорщик Попков смертельным ударом сабли повергает его на землю. Здесь какой-то драгун схватился один с целой массой курдов, но на помощь к нему летит прапорщик Чавчавадзе 3-й (Спиридон), оп разгоняет курдов и вырывает из их рук лрагуна, уже раненого тремя ударами пик. Под другим Чавчавадзе (Романом) убита лошадь, он пеший отбивается над трупом ее один от целой кучи врагов... Его выручают драгуны. Там офицер спасает солдата, здесь солдат умирает за своего офицера...

Не выдержали турки боя с этими сказочными, сверхчестственными бойцами, и тысячи их, объятые страхом, бежали перед двумя эскадронами. Драгуны, врезываясь в толпы их, рассчитывались теперь за свою первую неудачу.

Между тем, в то время, когда большая часть кавалерии уже введена была в дело и в резерве оставался только один эскадрон Борисоглебского уланско-

го полка, стоявший под начальством ротмистра Лау во взводной колонне, новая двухтысячная толпа турок, никем незамеченная, скрыто пробралась глухим, бездорожным оврагом и вдруг выдвинулась в тылу борисоглебцев. От этой минуты зависело все. Дрогни Борисоглебцы и русский корпус потеряли бы половину своей кавалерии: расстроенная боем, стиснутая двумя живыми стенами, с фронта и с тыла, она неминуемо погибла бы в жестокой сече одного против пятнадцати.

Но ротмистр Лау был отличный офицер, обладавший необыкновенным спокойствием духа. Внезапность его не озадачила.

— Назад строй эскадрон! — скомандовал он ровным, спокойным голосом, и эскадрон, в карьер, как на учении, исполнил построение и стал как вкопанный лицом к неприятелю.

Еще секунда — прозвучала труба, пики наклонились, и эскадрон ринулся “с места марш-марш”.

Турки, пораженные моментальным превращением маленькой кучки людей в стройный развернутый фронт эскадрона, стремительно несущийся прямо на них, с наклоненными пиками, повернули назад и беспорядочной толпой кинулись в ту же лощину, из которой выскочили. Уланы пронеслись за ними почти вплоть до оврага. Но вот эскадрон круто осадил лошадей, стройно заехал назад, свернулся, на походе, опять во взводную колонну, и ротмистр Лау рысью отвел его на прежнее место.

— Стой — равняйся! Пики по плечу! — И эскадрон стал, точно за минуту перед тем и не готовился вступить в упорную битву с сильнейшим врагом...

Главнокомандующий с высокого кургана видел это молодецкое дело и в подвиге храброго ротмистра справедливо оценил больше всего то, что, не увлекаясь бесцельной погоней, он поспешил возвратиться к прямому своему назначению — служить поддержкой для первой линии.

Дело ротмистра Лау было эпилогом, закончившим бой 5-го августа. Быстро спускавшаяся ночь разъединила боровшихся противников. Преследование мало-малу прекратилось, и Нижегородцы вместе с Серпуховскими уланами, на взмыленных, измученных лошадях, вернулись в лагерь.

Свели счеты и оказалось, что вся потеря в корпусе не превышала 44 человека, выбывших преимущественно из эскадрона майора Казасси.

Горсть русской кавалерии, сражавшаяся на левом фланге, покрыла себя в этот день блестящей славой. Сам Паскевич писал к Государю, что кавалерийский бой 5-го августа есть один из тех редких случаев в военных событиях, который обращает на себя особое внимание и даст настоящую меру для определения превосходной храбрости полков Нижегородского драгунского и сводного уланского.

Не могли не признать этого и враги, участвовавшие в битве. Когда, по окончании сражения, главнокомандующий спросил одного из пленных карапалах-

ских старшин: "как действовала русская конница?" Тот отвечал:

— Мы прежде рубили ваших казаков, а сегодня, одетые в какие-то белые балахоны, они без страха лезли вперед, и против них устоять было невозможно.

Карацапахский старшина простодушно полагал, что донские казаки, которых они встречали при вторжении в Грузию единственная русская конница, и драгуны с уланами, сражавшиеся в летних кителях, казались ему все теми же донскими казаками.

Кавалерская дума нашла походного атамана генерал-майора Дернова, полковника Анрепа, майора Казасси и ротмистра Дау достойными ордена Геор-

гия 4-й степени. О подвиге Раевского Паскевич свидетельствовал перед Государем, ходатайствуя о награждении его орденом св. Георгия 3-го класса, но Государю угодно было заменить эту награду чином генерал-майора.

Битва 5-го августа была заключительным актом тяжелого похода к высоким стенам Ахалцихе, но в то же время она является первым звеном к цепи предстоящих кровавых событий. Над осажденной крепостью и над русским лагерем ангел смерти уже простирали свои мрачные крылья.

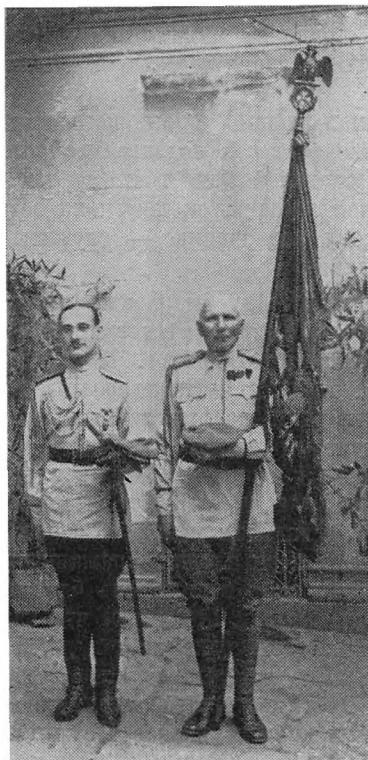
Из военного архива Подполк. Д. Сейбуллина

ОБЗОР ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ

О КНИГЕ Г. В. МЕСНЯЕВА

Я пишу эти строки, чтобы горячо рекомендовать вниманию читателей недавно вышедшую в свет книгу Г. В. Месняева: "За граню прошлых дней". Прозведение это замечательно во многих отношениях, и я читал его с глубоким волнением: от самого начала и до конца, книга эта овеяна и проникнута дыханием подлинного романтизма и поэзии, от которых нас, в течение последнего полувека, старательно отучали многие из Русских писателей. В своем ху-

К ПОЛКОВОМУ ПРАЗДНИКУ.

Знамя лейб-гвардии Гренадерского полка в Галиполи.
Адъютант капитан Г. А. Бенземан.

дожественном подъеме Месняев достигает местами — с полной оригинальностью и без всякой подражательности — подлинных высот, не уступая даже лучшим из классиков того же жанра...

То, что я пишу, не только субъективное ощущение. В самом деле, если бы меня просили в краткой и лаконичной форме, определить высшую цель художественной литературы, то я сказал бы, что это — стремление, при помощи *прекрасного*, как формы, поднять людей до созерцания *возвышенного*, как содержания.

В основе Прекрасного, как прием, лежит обобщающая деятельность продуктивного воображения, заменяющая единичные предметы и события их родовыми, типичными образами; что же касается Возвышенного, то — не вдаваясь здесь в философские тонкости — можно сказать, что это не что иное, как конкретное изображение и как бы воплощение той или другой из объективных и абсолютных *ценности*.

Указанную мною высшую задачу современная литература почти совершенно забыла — и если писатель талантливо, наглядно и *типично* описывает хотя бы самую незначительную действительность, то литературная критика готова уже аплодировать, считая, что этот автор достиг вполне последнего предела художества.

На самом же деле, это совсем не так: нужно уметь не только хорошо и типически описывать, но и зорко видеть и чувствовать, что именно из всего многообразия жизни *достойно описания*! Можно прекрасно и типично описать скучных, глупых и бездарных людей и их жалкую грызню между собой, но, какой от этого будет прок? В лучшем случае это будет только этюд, подобный *жизнисному эскизу*, типически изображающему в красках на полотне грязную босую ногу усталого путника...

Нет, настоящий писатель не только умеет *типично* и в родовых описывать, но и обладает, кроме того, *высокой душой*, видящей вокруг себя не один лишь существующие *вещи и события*, но также и самодовлеющие объективные *ценности* — и только на последних главным образом, и сосредоточивает свое

внимание. Этим он поднимает также и читателя до созерцания *возвышенного*, как такового, и до ощущения *духовности и ценности жизни вообще*.

Всеми указанными качествами подлинного, большого писателя Г. В. Месняев обладает в полной ме-

ре — и чтение его книги, в условиях нашей жизни, равносильно вдыханию свежего лесного воздуха, после пьяной оргии в накуренной и заплеванной комнате...

Д-р Фил. Н. А. Реймерс

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ“

ВЫДЕРЖКА И НЕУСТРАШИМОСТЬ

25 и 26 августа 1831 года полк, имея за левым флангом батарею, участвовал в сражении за предместье Варшавы — Воля.

Генерал-фельдмаршал Граф Паскевич-Эриванский, находясь на линии полка, наблюдал за сражением. Не слыша выстрелов нашей батареи он послал, с адъютантом, приказание ее командиру — немедленно открыть огонь по противнику, но батарея продолжала молчать. Тогда фельдмаршал сам поскакал на батарею и, подъехав к ее командиру, спросил:

— Почему вы не стреляете?

Вместо ответа, командир батареи взял бомбу, и положив ее себе на ладонь, зажег фитиль. Огонь медленно приближался к бомбе. Фельдмаршал и командир батареи спокойно смотрели друг на друга. Свита Фельдмаршала, на полном аллюре ускакала, оставив двух неустрашимых. Фитиль догорел и бомба не взорвалась. Фельмаршалу все стало понятно.

(Выписка из истории 97 пехотного Лифляндского Генерал-Фельдмаршала графа Шереметева полка).

Извлек старый Лифляндец.
К. Лейман

НЕМЕЦКИЕ КАЗАКИ

В 1813 году, по приказанию Фридриха-Вильгельма, в прусской армии был создан гвардейский казачий эскадрон, вооружение и обмундирование которого почти полностью совпало с таковым же донских казаков, с которыми немецкие казаки и разделили потом поход по Европе и участвовали во взятии Парижа, в 1814 году. Впоследствии, немецкие казаки были переформированы в гвардейский кирасирский полк, войдя в него четвертым эскадроном. Форма этих казаков находилась в Берлинском музее. Эту заметку сообщил знаменитый международный знаток военных форм профессор Кастелем.

Сообщил И. Ф. Рубец

ГЕНЕРАЛ КУЛЬГАЧЕВ

6-ым армейским корпусом, одно время командовал генерал Кульгачев. Играя несколько под Суворова, он чудил и почему-то подчеркнуто небрежно одевался.

Приехал он в 8-ю Конную батарею, экзаменовать учителей молодых солдат, “дядек”, в просторечье. Вызывает одного из них и задает ему задачу:

— Покажи, как ты будешь обучать. Вообрази что я не генерал, а молодой солдат. Понял?

— Так точно, Вашество, понял.

— Ну, начинай, — при этих словах, генерал сел на табурет, в небрежной позе, заложив ногу за ногу и покачивая одной ногой.

— Ваше Превосходительство...

Генерал обрывает его и опять разъясняет, что перед ним не генерал, а “молодой солдат Кульгачев”.

“Учитель” никак не может понять, что от него требуется указать на неподходящую позу молодого солдата.

Поручик Витренко, обучающий дядек и стоявший позади генерала, указывает своему солдату на генеральские ноги. Растроенный бомбардир осмелел:

— Так что, молодой солдат Кульгачев, солдат должен ходить опрятно. Свиньей солдату ходить не полагается. Сапоги надо чистить.

Не ожидавший такого ответа, генерал вскочил, сунул своему “дядьке” в руку рубль и похвалил:

— Спасибо, молодец.

На этом смотр и закончился.

Извлек А. Левицкий
(Из архива 4-го Конно-Артил. Дивизиона)

ГЕНЕРАЛ ЛИНЕВИЧ

В первый период борьбы с китайскими боксерами, в 1900—01 г., европейские государства ограничились десантом Морской Пехоты, японцы — высадили небольшой отряд, наибольшее количество войск выставили Русские и ими командовал генерал Линевич.

Зашел вопрос о возглавлении этого международного отряда. На военном совете, японец полковник Фушима настаивал на подчинении всех войск английскому адмиралу, как старшему в чине.

— Что он говорит? — спросил генерал Линевич своего переводчика капитана Нечволовова и, когда тот перевел, Линевич возразил

— Скажите этой Фукашиме, что старший здесь — я, а почему — объяснять не буду.

До прибытия к “шапочному разбору” германского фельдмаршала Вальдерзее, генерал Линевич командовал международным отрядом.

Генерал Линевич был очень популярен среди сибирских войск и офицеры, равно как и солдаты, называли его “папашка”. В Русско-японскую войну, будучи Командующим 1-й армией, генерал Линевич, как-то обходил совершенно открыто окопы. Началась стрельба, его предупреждают, что по нему стреляют... Генерал Линевич успокаивает:

— Не по мне, — по моему Штабу.

А чины штаба, в это время, шли по окопам, тесно прижимаясь к брустверу.

Сообщил А. Л.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1958 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ
ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник“

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Восьмой год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:

61, рю Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и
«ВЕСТНИКА».

Подписная цена с пересылкой на год:

700 фр. фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.

В газете — постоянные отделы: В поработенной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.

Extrait Orchistique Kalefluid

Экстракт из жизнетворных желез животных рекомендуется принимать в случаях: общей слабости, нервной депрессии, переутомления, артритических и старческих недомоганий, астении, ослабления памяти, бессонницы и в некоторых случаях повышенного давления. Женщинам, кроме указанных случаев, при недомоганиях переходного возраста.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ!

Для экспорта и для получения проспекта на русском языке, пишите:

Laboratoire B. KALEFLUID, 66, Bd. Exelmans, Paris (16^e). V. P. 21.331. BELGIQUE : Pharmacie Fridman, 54, rue de l'Aqueduc, Bruxelles (St.-Gilles). AUSTRALIE : V. Miller, 35, Balmoral Str. Blacktown N. S. W. ALLEMAGНЕ : Goloschtschapoff, 14 a Ludwigsburg. Richard Wagner Str. 11.

„Сборник Российской военной поэзии“

Выпуск I — Полковые и судовые песни и стихотворения. Издание Обще-Кадетского Объединения, под редакцией А. А. Геринга. Осталось ограниченное количество экземпляров.

Цена: 400 фр. фр. В странах заокеанских:

1 долл.

ЗНАЧКИ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ.

Продаются у казначея: Б. М. Марин,
19, рю Плюме, Париж 15.

Почтовый счет: Париж — 9325-52.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Char-
don-Lagache, Paris (16e) и в Русских
книжных магазинах.

Юг Франции — у А. Я. Фока — 57, rue Maré-
шаль Жоффр, Ницца (А. М.).

Брюссель — у Б. П. Мишевского — 69, rue
de Parme.

Лондон — у В. В. Барачевского — 26, Tot-
tenham street, W 1.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg
Neu-Grabenn, 1, Post Lagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bred-
gade 53, Copenhagen.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard
de Flandre Megrine.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Neumoresa
86, Roma.

Александрия — у А. Л. Маркова — 56, rue
Heliopolis, Ibrahimie.

Сев. Ам. С.Ш. — у В. И. Третьякоа — P. O.
Box 304, Nyack (N.Y.)

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении
у Г. А. Куторга — 272, 2 avenue San-
Francisco 18.

Канада — у А. С. Орлова — 235, Indian Gro-
ve, Toronto (ONT).

Австралия — а) у Калатилина — 50, Belemba
ave Lakemba (N.S.W.), б) у Н. А. Косач
16, Valmai ave. King's Park, Adelaide,
South Australia.

Венециэла — у К. А. Келльнера — 24, av.
Sartia, Caracas.

Аргентина — у Б. Н. Ряснянского — Obliga-
do 2130, Buenos-Aires.